

Творческие дискуссии — постоянный метод научной работы

Могучий расцвет переживает советская наука — наука, впервые в истории человечества получившая возможность неограниченного участия в преобразующем мире труде миллионов. Ее вдохновляют великие замыслы строительства коммунизма, ее укрепляет и возвышает признание народа. В нашей стране открыты новые страницы в науке о жизни, получили высшее развитие наиболее прогрессивные тенденции современной техники, новый подъем наблюдается в науках, изучающих закономерности общественного развития. Движение науки, ее развитие — это не только количественное накопление новых фактов, добавление их к старым положениям и выводам. В гигантской творческой работе советских ученых имеется качественная, революционная сторона. Она проявляется в непримиримой борьбе со старым, отжившим, в смелом выдвижении всего нового, передового. Партия, товарищ Сталин учат нас тому, что важнейшей движущей силой этого развития, действенным оружием борьбы за коммунизм являются критика и самокритика.

Одной из основных форм развития критики и самокритики в науке являются свободные творческие дискуссии. Проведенные под направляющим влиянием партии и руководящих идей товарища Сталина дискуссии по вопросам философии, музыки, биологии, дискуссия по языкознанию, павловская сессия Академии наук СССР и Академии медицинских наук имели огромное значение для теоретического фронта нашей страны. Не случайно эти дискуссии проводились именно там, где наблюдалась застой, имели хождение антинаучные, идеалистические взгляды. Посвященные самым живучим вопросам современной науки, эти дискуссии не только оказали в центре внимания всей советской общественности, но получили и широкий международный отклик. В лагере реакции они вызвали злопыхательство, в лагере же передовой прогрессивной мысли — живой интерес и понимание.

Прогрессивные деятели культуры отмечают особый характер и особое место творческих дискуссий в развитии советской науки. Французский поэт Жюль Арнольд так писал после сессии ВАСХНИЛ в журнале «Эпоха»: «Никогда еще в истории человечества, ни в одной стране, научная дискуссия не пользовалась такой гласностью, никогда за ней не следили миллионы людей. У нас это немиссия. Ни одна газета не возмущалась бы за опубликование этих материалов... для подобного материала, отпечатанного таким тиражом, газета не нашла бы достаточного числа читателей: его не существует в нашей стране». Жюль Арнольд писал также, что такое широкое опубликование материалов дискуссии «...заставляет признать факт создания в СССР интеллигентии нового типа, состоящей из миллионов людей, способных интересоваться научной дискуссией по вопросам биологии и следить за ходом такой дискуссии».

Научные дискуссии помогают победе прогрессивных взглядов и направлений, указывают пути дальнейшего развития науки. Появившиеся в ходе дискуссии по языкознанию новые гениальные работы товарища Сталина разрешили коренные проблемы марксистского учения о языке, вывели советское языкознание на широкую дорогу творческого развития. Мощным толчком для дальнейшего развития переводческой филологии и медицины явилась и прошедшая в этом году объединенная сессия Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР.

Закончившаяся на днях объединенная сессия Отделения языка и литературы Академии наук СССР и Академии педагогических наук РСФСР, посвященная трудам товарища Сталина по языкознанию и вопросам преподавания языков, явилась важным событием в деле дальнейшего развития советского языкознания. Жизнь показала, что творческие дискуссии приносят неоспоримую пользу, неизменно активизируют всю научную жизнь коллектива. Однако в некоторых научных учреждениях существует еще глубоко неверное представление о том, что дискуссии нужны лишь по чрезвычайным поводам.

Не ждать, когда на том или ином участке науки обнаружится застой, проникновение чуждых нашему мировоззрению взглядов, а активно вмешиваться, предупреждать возникновение этих болезней. Регулярное проведение свободных творческих дискуссий — лучшее средство против застоя, лучшее средство воспитания научных кадров в духе большинства принципов коммунизма, научной строгости, непримиримости к проявлениям буржуазной

идеологии. «Там, где нет критики и творческих дискуссий», — говорил тов. Сталин, — «искают источник развития, укореняется темная обстановка застоя и застой...»

Метод свободных творческих дискуссий — одно из важнейших жизненных условий преуспеяния и расцвета науки. Только советская, самая передовая в мире наука смогла найти диалектическое разрешение двух противоречивых тенденций современного знания: глубокой специализации ряда отраслей и необходимости широкого обобщения частных результатов. Только советская наука, порожденная новыми общественными условиями, сумела сделать метод коллективной проверки результатов исследования, метод мобилизации огромных и драгоценнейших ресурсов коллективного мышления основным элементом повседневной научной работы на всех ее этапах. Дискуссии — лучшее средство против монополий в науке, против возможности установления в ней «архаического режима», как это произошло в языкознании.

Там, где нет настоящего уважения к коллективной научной мысли, там задерживается, тормозится расцвет самой науки. Нельзя не приветствовать, например, интереснейший почин научной общественности Московского энергетического института имени Молотова, поставившей в порядок для обсуждения вопроса об экономической части дипломных проектов, истоки которых смыкаются с теоретическими проблемами политэкономии социализма. И странно, что это важное и полезное начинание не нашло своевременной и нужной поддержки у крупных специалистов ряда отраслей энергетики, у представителей кафедр экономики энергетики института.

Коллективное обсуждение научных проблем, развивающее активность научного работника, повышающее его принципиальность, должно стать законом жизни каждого научного учреждения, всех его звеньев. А как часто заседания ученого совета института носят чисто организационный характер, как часто защита диссертаций, на которой ученый должен действительно защищать, отстаивать свои положения, сводится к формальной процедуре.

Обсуждение научных работ не должно замыкаться в узком профессиональном кругу. Нужно смелее привлекать к нему ученых других специальностей, практиков.

Известно немало случаев, когда благодаря широкому предварительному обсуждению ряда учебников в них были своевременно устранены крупные недостатки, исправлены ошибки. Однако до сих пор существует еще такое недопустимое положение, когда учебники сдаются в печать без широкого обсуждения, когда ограничиваются лишь закрытым их рецензированием. Так, например, по поводу учебника «История государства и права СССР» раздалось немало критических замечаний. Сейчас готовится уже третье издание этой работы, но она до сих пор так и не была подвергнута широкому обсуждению.

Большую роль в развертывании научных дискуссий призваны сыграть и научные журналы. А между тем дискуссионные отдели ведутся в них далеко не удовлетворительно. Напечатать дискуссионную статью, журнал не всегда доводит ее до обсуждения до конца, не делает своих заключений, выводов, сменяет другую статью. Помешающие для обсуждения статьи часто не соответствуют предъявляемым к ним высоким требованиям. Редакция журнала «Вестник высшей школы» открыла в № 8 за 1950 год дискуссию об освещении важнейших проблем исторического материализма в учебниках по истории опубликованием статьи, содержащей ряд ошибочных утверждений.

Задача научных журналов — не только информировать читателя о проводимых в научных учреждениях дискуссиях, но и делать материалы этих обсуждений достоянием широкой общественности. Журнал «Вопросы философии» начал печатать главы из книги П. Тома труда «История философии». Необходимо, чтобы философские кадры республик и областей, кафедры философии и основ марксизма-ленинизма включились в обсуждение этого труда и высказали свои замечания.

Великие задачи стоят перед советской наукой, наукой, обслуживающей народ, помогающей ему строить светлое здание коммунистического общества. Тяжелые выдвигает перед нашей наукой все новые, с каждым днем усложняющиеся задачи. Развитие свободных творческих дискуссий поможет нашей науке идти в ногу с этими требованиями, добиваться новых и новых успехов, активно содействовать делу строительства коммунизма.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 115 (2706)

Суббота, 2 декабря 1950 г.

Цена 40 коп.

Кандидаты великой стройки

Звезда строителей Куйбышевского гидроузла — пятилучевая звезда, излучающая мощь. Ночь приближается к концу, но чем дальше движемся к строительной площадке, мы обгоняем и встречаем все больше автомобилей с такими звездами.

В нашей машине идет ветрогонная беседка. Один из моих спутников — инженер, возвращающийся на строительство из длительной командировки. Он принимал в Челябинске новые машины и целый час рассказывал нам о шагающем экскаваторе.

— Это очень умная машина, способна заменить тысячу человек. Представьте себе, она выбрала четырехконтурным ковшом всю землю вокруг себя. Тогда она присаживается на колесики, совсем как человек, затем выбрасывает одну ногу с лыжей, переваливается на нее, поднимает вторую ногу и переносит ее вперед. Затем выпрямляется, заносит ковш и начинает снова работать...

На этой стройке все влюблены в машины. Происходит это, вероятно, потому, что никто не может себе представить такого грандиозного строительства без самых совершенных и умных машин. Второй наш спутник, снабженец, спрашивает:

— Значит, она переваливается, как гусь?

— Ну что вы, право! С досадой восклицает инженер. — Какой там гусь! Это огромный землекоп. Только этот землекоп своей лопатой может поднимать землю на семьдесят метров! Представляете?

Из придорожного бора вылетел на шоссе заяц и побежал по лугу кучи фав, загнивавшийся светом. Шofer увеличивая скорость. Кажется, мы вот-вот настигнем зверька, но в это время спасительный приток на мгновение скрывает зайца от лучей света, и он пороскает в сторону. Прерванный разговор возобновляется. Теперь спрашивает инженер:

— А что Протопопов?

— Что ему? Он берет свое — в первую очередь гнать электротрассу...

— А как Иван Васильевич?

— Вылетел на дорогу жизни. Там был новый пугучкадчик. В смену дает чуть ли не четыре километра реального пути. Но вперед это мысты.

— А снабженец?

— Эти требуют закончить автотрассу. Сами видели, сколько грузов на товарной. И сколько еще придет?

Спутники умоляют.

Мне вновь вспоминается звезда строителей — пятилучевая звезда. Звезда очень точно характеризует стройку. В самом деле, Куйбышевский гидроузел притягивает взоры всей страны, подобно новой, только что появившейся звезде. И если бы мы изобразили строительство на схеме, оно было бы больше всего похоже на звезду, от которой во все стороны, подобно лучам, расходятся новые дороги. Недаром начальники строительства назвали правобережную железную дорогу, на прокладке которой сейчас работают тысячи добровольных строителей из колхозов, «дорогой жизни». Дорога еще не дошла до строительной площадки, а на станции примыкания, — как говорят железнодорожники, — уже скопились сотни тысяч тонн груза. Но не менее важны и левобережные шоссе, и ледовая дорога по Волге, и высоковольтная электротрасса, и подземный путь от силикатного завода, и внутренняя дорога между участками строительства. А если вспомнить, что после завершения строительства связано с внешним миром только тем узеньким проселком, по которому идет наша машина, станет ясно, как надо торопиться с подъездными путями. Строить их надо быстро, а морозы уже скывают землю.

— Когда встреча избирателей с кандидатами в депутаты? — спрашивает инженер и, высунув ответ спутника, меланхолически замечает: — Трудновато Ивану Васильевичу сейчас. Стройка в самом начале, до успехов еще далеко, а избиратели, наверно, ждут от него рапорта о победах!

— Ну, наши избиратели прекрасно понимают все трудности, — недовольно от-

зывается снабженец. — А вы только представьте себе, в каких условиях будут работать наши будущие депутаты! Они своими руками должны выстроить два новых города, вокруг этих центров возникнут сотни агрогородов, новые сады и леса. А территория их избирательного округа, в котором их выдвинули в депутаты, окажется на дне моря!

Вперед появляются огни, и мы въезжаем в городок, над которым через несколько лет разольется море. В домах вспыхивает все больше и больше огня. Наступает утро большого строительного дня. Мои спутники молчат, вглядываясь в туман, который колеблется над городом; туман действительно похож на морские волны. И огни в доме управления строительством светятся, как маяк.

Строители Куйбышевского гидроузла выдвинули двух кандидатов в депутаты областного Совета: начальника строительства Ивана Васильевича Комзина и Маргариту Владимировну Лебедеву, молодого инженера, только в этом году окончившего Куйбышевский инженерно-строительный институт.

В 1927 году, когда Комзину было 23 года, его избрали депутатом Моссовета. В то время он был техником-строителем и учился без отрыва от производства. Лебедевой тоже 23 года. Но ее жизнь протекала значительно легче, так как предыдущие поколения заложили основы, на которых строится человеческое счастье в нашей стране. А сама она стала участницей одной из тех строек коммунизма, которые призваны сделать реальностью мечту многих поколений.

Иван Васильевич Комзин прошел нелегкий путь от крестьянской избы в деревне Васильеве Смоленской губернии до августовских дней пятидесятого года, о которых он сам пишет в своей автобиографии: «31 августа 1950 года решением Совета Министров СССР удостоен быть начальником управления Куйбышевгидростроя...»

На Куйбышевский гидроузел съехались тысячи людей со всех концов страны, но каждый из них с уважением прозвонит имя Ивана Васильевича Комзина. Иван работал с ним на Магнитке, другой — под Москвой, третий — восстанавливая вместе с ним из руин город, сожженный гидростроителями.

Высокий, стройный, всегда подтянутый, внешне очень спокойный, человек этот обладает неистощимой энергией и способен к быстрому решению в той же степени, как и к вдумчивому анализу. В эти дни, когда строительство готовится к зиме, он сконцентрировал все ударные силы на главных участках: на постройке дорог, на монтаже механизмов, на подводе электротрассы.

Река стала, но по приказу начальника на ту сторону все еще идут баржи и пароходы, ломая десятисантиметровый ледный покров. А рядом дорожники уже прокладывают трассу будущей ледовой дороги, которую станут намораживать до такой толщины, чтобы волжский лед выдержал движение тракторов и тяжелогрузных саев и машин.

Маргарите Владимировне Лебедевой есть у кого поучиться!

Она учится решать важнейшие вопросы стройки. Учитесь большинства грамоте и непримиримости к недостаткам, страстности и непереносности, умению не забывать за мелочами главного.

Лебедеву, как и Комзина, воспитала комсомол. Весной этого года, окончив институт, она выбрала наиболее важный участок, где можно с большей пользой применить свои силы. Дочь научного работника-лесовода и учительницы, она воспитывалась на традиции предания трудностей. И когда по примеру старшей сестры,

сразу после института поехавшей на Дальний Восток, Маргарита сказала, что едет на строительство гидроузла, отец и мать подтвердили правильность выбора.

В их доме всегда пали степным ветром и молодым лесом. «Лучше начинать жизнь на суровом ветру, чем кутаться в вату!» — это замечание отца пришлось по сердцу дочери.

Маргарита Лебедева начала свою первую самостоятельную работу с решительного спора. Главный механик опротестовал ее проект установок паровых котлов. Лебедева проверила все свои расчеты и убедилась, что главный механик не прав. Она перенесла спор в кабинет главного инженера Николая Федотовича Шапошникова — и победила. Оказалось, что она приобрела авторитет и ценность в глазах человека, с которым так жестоко поспорил, и теперь они стали добрыми друзьями. А ведь некоторые товарищи по работе уговаривали ее уступить. Но уступить — это значит отступить! А Лебедева не желает отступления.

Когда Маргариту Владимировну спрашивают, какую бы работу хотела она вести в областном Совете депутатов трудящихся, если избиратели окажут ей доверие, Лебедева решительно встряхивает светловолосой головой, голубые глаза ее устремляются за окно, где холодный ветер волочит тяжелую пыль по немощным улицам, и говорит:

— Первый вопрос, который я хотела бы поставить, это улучшение культурного обслуживания строителей и местных жителей. Пока здесь имеется лишь маленький районный Дом культуры. Как только стала река, сюда перестали заглядывать лекторы и артисты. Даже кино не привозят...

Молодежи на стройке много, она упорна и изобретательна. Она из подруг Маргариты Лебедевой заканчивает проект стадиона с катком и лыжной станцией. Председатель постройки Падало только что привез сто пар лыж и начал перевозку большой библиотеки, полученной в дар от библиотеки Москвы. Получила больше пятидесяти тысяч томов. А ведь еще вчера несколько десятков переходивших из рук в руки разstreпанных книжек составляли все богатство строителей.

Перед Маргаритой Владимировной Лебедевой — большое поле деятельности. И я уверен, что, когда избиратели доверят ей свое представительство в Куйбышевском областном Совете депутатов трудящихся, молодой инженер сумеет оправдать это доверие.

Мечтательность и деловую практичность сочетает в себе эта высокая, полная девушка. Иногда в ее ясных голубых глазах загорается сильный жесткий огонек, и тогда я думаю о том, как настоящей станет она требовать внимания к нуждам избирателей. Но вот огонек становится мягким, и я знаю, — она будет рассказывать о новых городах, которые ей и ее товарищам предстоит создать здесь.

Лебедева машинально перебирает письма, лежащие на столе. Сотни писем приходят на ее имя из разных уголков страны.

«Двенадцатого ноября мы узнали из печати, что вы будете баллотироваться в Куйбышевский областной Совет депутатов трудящихся. Мы, воины Советской Армии, рожденной из города Куйбышева, коротко ознакомившись с вашей биографией, очень благодарны своим землякам, что те выдвинули депутатом молодого патриота, воспитанника ленинско-сталинского комсомола, и мы уверены, что вы оправдаете высокое доверие народа, не запятаете священное звание комсомолки. По поручению воинов части В. Маханов и Андрей».

Можно не сомневаться, что кандидаты строителей Куйбышевского гидроузла оправдают доверие избирателей. Перед ними почетная и огромная работа, но у советских людей всегда хватало силы и энергии на то, чтобы превратить в действительность задуманное партией и народом!

КУЙБЫШЕВСКИЙ ГИДРОУЗЕЛ

Международные отклики

ЧЕРНЫЙ ВТОРНИК ТРУМЭНА И АЧЕСОНА

Господа Труман и Ачесон упорно пытаются не допустить наступления этого дня. Но он наступил. Голос китайского народа раздался в стенах Организации Объединенных Наций. Американские держиморды не смогли этому помешать. Не помогли никакие интриги, никакие испытанные методы давления на вассальные государства.

Говоря об американских «победах» в Коре, журнал «Лайф» в начале прошлого месяца бахвалился: «С американскими беспесами все обстоит в полном порядке. Мы думаем, что американские мозги тоже в хорошем состоянии. Об этом свидетельствует переход 38-й параллели... Соединенные Штаты доказывают своим поведением, что они представляют нечто большее, чем гигант со здоровыми мышцами».

Однако поведение делегации США в Совете Безопасности и Политическом комитете ООН свидетельствует об обратном. В своей брешливой злобе посланные американские политики потеряли над собой всякий контроль. Все свои умственные способности американские делегаты в ООН направили на то, чтобы в последнюю минуту не предотвратить — это, увы, было уже не в их власти, — нет, хотя бы на несколько часов отсрочить появление китайской делегации в зале заседаний Совета Безопасности! Смешно и жалко был господин Остин, этот далеко не первой молодости политический зубр, когда он ринулся в драку за право выступить первым.

С несомненным спокойствием и достоинством, выждав пока выскажет Фонтан злобных инсинуаций и бесстыдной лжи господина Остина, заговорила глава китайской делегации У Сю-юань. От имени посланного его великого народа он предрек правительству США неопровержимое обвинение в преступной вооруженной агрессии против Тайвана — неотъемлемой китайской территории.

Впечатление было ошеломляющим. Начать с того, что в стенах Совета Безопасности впервые вместо английского тирада господина Остина, в зал заседаний вошел голос китайского народа, в зал заседаний вошел голос китайского народа, в зал заседаний вошел голос китайского народа! Почувствуй вассальные страны, почувствуй вассальные страны, почувствуй вассальные страны! Вашингтону стран шлохриво называет выслушивание У Сю-юаня «высокомартерным». Буржуазные писовки из страны сателитов США привыкли к тому, что их государственные деятели говорят языком приживалов. Неудивительно, что их поразил независимый, проникнутый чувством достоинства тон посланца Китайской народной республики, изблещавшего американских реакционеров.

Трудно ожидать от послушного Вашингтона «большинства» Совета Безопасности принятия законных и справедливых требований китайского народа. Но как бы то ни было, американский империализм разоблачен и пригвожден к позорному столбу.

БОНЗЫ-«ЖУРНАЛИСТЫ» ЧИНАТ РАСПРАВУ

22 ноября на заседании австрийского парламента с провокационной речью, начиненной грубыми антисоветскими выпадами и злобой клеветой по адресу компартии Австрии, выступил депутат от «народной партии» некий Гюнчич. Из содержания душевного равновесия его, как оказалось, вывела опубликованная в № 94 «Литературной газеты» статья «Борьба австрийских трудящихся». Приведенные в этой статье факты Гюнчич взял под сомнение, как не соответствующие действительности, а ее автора — прогрессивного австрийского журналиста и члена парламента Эрнста Фишера обвинил в умышленном распространении искаженных сведений о положении в Австрии.

Вызвав болтовню распоясанного парламентария, может быть, не заслуживала бы особого внимания, если бы не одно обстоятельство. Как показали дальнейшие события, австрийские правящие круги и клеветнических выступлений перешли к массовым преследованиям прогрессивных журналистов.

Паническое настроение царило в правлении австрийского профсоюза журналистов в дни всеобщей октябрьской забастовки. С трепетом ожидали здесь утренней почты и в отчаянии разводили руками. Еле бы! Яд газет — «Эстеррейхские фольксштимме», «Дер абенд», «Тателлат ам монга», «Нейе нейт», «Зальцбургер тателлат», «Тиролер нейе тунг», «Вархейт», «Фольксвагел», редакторы которых являются членами профсоюза, в нарушение всех распоряжений дают правдивую информацию о событиях и явном стоят на стороне забастовщиков.

Это накладывает пятно позора на честный штрейкберский мундир правления профсоюза журналистов! Необходимо принять строгие меры к непокорным! И вот, после совещания с «тайными и явными» американскими советниками, было принято постановление об исключении из профсоюза редакторов вышеназванных газет за то, что они в период всеобщей забастовки печатали материалы, наносящие вред Объединению австрийских профсоюзов и противоречащие его решениям.

Творя суд и расправу над честными журналистами, социал-демократические штрейкберы не останавливаются перед тем, чтобы исключить из профсоюза виднейшего австрийского журналиста и писателя Эрнста Фишера, избранного на Варшавском конгрессе в состав Всемирного Совета Мира. Здесь официальным поводом для исключения, как сообщила на днях служба печати Объединения австрийских профсоюзов, послужила упомянутая статья Эрнста Фишера, опубликованная в «Литературной газете». Он писал в этой статье: «...Право-социалистическое руководство Объединения австрийских профсоюзов... с первого же дня пыталось организовать штрейкберство и свести борющиеся рабочему классу в спину. Он называл предачей предачей, и в этом заключался его «вина».

Исключение Эрнста Фишера из профсоюза лишний раз свидетельствует о том, как страшна правда австрийским социал-демократическим предачам и их американским хозяевам.

ЛИТЕРАТОР

В ОБЫКНОВЕННОМ КОЛХОЗЕ

С высокого холма мы увидели внизу под горой большое селение, освещенное ровными рядами электрических фонарей. Это — Усть-Курдюм, обыкновенная русская деревня, каких много в Поволжье. Мы приехали в поздний час, но в сельсовете было оживление. Председатель Усть-Курдюмского сельсовета Иван Гаврилович Корнев беседовал с группой молодых колхозников.

— Готовимся к выборам, — сказал тов. Корнев. — Подготовку проверем. Не упустить бы чего: помешине, свет, телефон, радио, дрова — все надо учесть. Зашла речь о кандидатах в депутаты сельсовета. И здесь выяснилась характерная черта: если три года назад в числе избранных депутатов преобладали люди с низким образованием, то сейчас из 14 кандидатов двое имеют высшее, а пятеро — среднее и неполное среднее образование. Больше половины депутатов прошлого состава оправдали доверие избирателей и будут баллотироваться снова. Есть среди

них и такие, кто за прошедшие три года сумел получить образование, приобрести новую специальность.

Среди кандидатов в депутаты Усть-Курдюмского сельсовета — передовые люди деревни: колхозники Соколова, Лиханова, Хвостова, Гордеева, ветеринарный санитар Васильков, председатель колхоза Лиханов, учитель Фролов, кооператор Ефимов, шорник Смирнов, директор лесхоза Гаранин...

Население деревни активно готовится к выборам. Работают агитаторы, люди беседуют о предстоящих делах, вспоминают прошлое.

...В официальном списке населенных мест Саратовского уезда указывалось, что до первой мировой войны в деревне Усть-Курдюм насчитывалось 167 крестьянских дворов; теперь их 360.

Горька и безотраднее была жизнь здешнего крестьянина до Октябрьской социалистической революции. Соха да деревенская борода — вот и весь сельскохозяй-

ственный инвентарь. В покосившихся кривых соломах избенок редко когда зажигали огонь — керосин был роскошью. За годы советской власти преобразилась, помолодела деревня. В нынешнем Усть-Курдюме — средняя школа, лесхоз, библиотека, стационарная киноустановка. Здесь работают пятнадцать учителей, четыре врача и два врача ветеринарных, два агронома, инженер, зоотехник. Появились среди крестьян люди новых профессий — электрики, радисты, телефонисты, киномеханики, шоферы, комбайнеры. Бывшие питомцы устькурдюмской средней школы работают сейчас в разных районах страны инженерами, врачами, юристами, агрономами, учителями.

Из года в год крепнет хозяйство колхоза. Богата деревня Усть-Курдюм. И главное ее богатство — замечательные люди.

УСТЬ-КУРДЮМ, Саратовской области

В населенные пункты, расположенные среди нарямской тайги в сотнях километров от областного центра, самолеты гражданского воздушного флота доставляют выборную литературу, свежие газеты и журналы. НА СНИМКЕ: в Томском аэропорту. Потрума в самолете посылку с литературой для агитаторов таежных районов области. Пилот В. Горинев принимает посылку от работника почтовой зоны П. Зорькальцев. Фото В. Лещинского

Сулейман РУСТАМ

ПОЭТ

из стихов об иранском азербайджанце

Поэту Али Фитрату, зверски убитому иранскими реакционерами

Выются волосы седые, и в глазах печаль видна. По безлюдным переулкам он скитается бед сна. Он сидит в каморке ночью и упрямо бродит днем. Все в заплатах и домотканых рубашках на нем. Исхудалый и согбенный, одинокий и немой, Так он в ишикском наряде бродит летом и зимой. В час осеннего ненастья или в час дневной жары Он обходит мерным шагом тегеранские дворы. Он, как врач, обходит за день все жилища бедняков — От подвалов полутемных до высоких чердаков. А ночью сам в лагуче, задыхаясь от тоски, Шепчет яростные строки и сжимает кулаки. Нет ли лампы, ни котилки, чтоб рассеять в доме тьму, Только собственное сердце освещает путь ему: Всех родных его сослал, всем друзьям грозит тюрьма. Говорит, что от печали болен он, сошел с ума. Но зато нет покоя, но суров поэта взор. Он стихи свои слагает, словно пишет приговор.

Только кончится ночная несветлая пора, На рассвете, вместе с солнцем он выходит со двора, Он шагает через двор, поседший ветеран, И в лицо поэта знает весь бездомный Тегеран. Как ни жмут его заботы, как ни гнет его нужда, Эту голову седую он не склонит никогда. Он от правды не отступит, он с дороги не свернет. — Эй, лжецы и лицемеры, прочь с пути! Поэт идет! — Ты безумец, проходишь! — господа кричат в ответ. Как им знать, что перед ними не бродяга, а поэт, Как им знать, что перед ними не безумец, а пророк, Автор светлых, вдохновенных и всегда правдивых строк. Там грозят ему побои, здесь жандарма острый взгляд. Этот в бок его шпикнет, тот орет ему: — Назад! Здесь грозит за непокорность засады его в тюрьму, — Что газели для жандарма, что поэзия для судьи, Здесь всего важнее на свете то, что скажет Белый Дом. А поэта гонят в шею, препокают и бранят: «Полумозгий, попорхайка, стань, замри, ступай назад!» Пальца его из виду не упустят ни на шаг. У него ведь только песни, а оружие у них.

Выются волосы по ветру и упрямо стиснут рот. Он дорог не выбирает, он бед адреса ищет. Он находит те кварталы, те глухие уголки, Где ютятся из Сарая и Тавриза бедняки. Он прочтет им все, что создал и обдумал в эту ночь, Чтоб одних утешить словом, а другим в беде помочь.

Перевел с азербайджанского Мих. МАТУСОВСКИЙ

В КОЛОННОМ ЗАЛЕ

В переполненном Колонном зале Дома союзов в Москве в четверг, 30 ноября, торжественно открылась декада азербайджанской литературы и искусства. Около двух тысяч писателей, артистов, переводчиков московских предпринимателей, студентов, воинов Советской Армии горячо встретили посланцев Советского Азербайджана.

Всесоюзный смотр творческих достижений литературы и искусства Азербайджана отражает невиданный расцвет национальной культуры азербайджанского народа. В республике достигнута сплошная грамотность. В несколько десятков раз по сравнению с дореволюционным временем выросло количество изданных книг. Ежегодно сотнями тысяч экземпляров издаются произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, И. В. Сталина, книги Льва Толстого, Гоголя, Горького, Маяковского, произведения классиков и современных азербайджанских писателей. На азербайджанский язык переведены многие выдающиеся произведения современных русских писателей и писателей других национальных республик нашей Родины.

Открывая декаду, заместитель генерального секретаря Союза советских писателей СССР Н. Тихонов тепло приветствовал приехавших в Москву выдающихся азербайджанских писателей и артистов.

Под овацию всего зала в почетный президент был избран Полторацкий ЦК ВКП(б) во главе с товарищем И. В. Сталиным — лучшим другом советской литературы.

Вступительное слово произнес председатель правления Союза советских писателей Азербайджана Мирза Ибрагимов. Под аплодисменты всего зала он заявил:

1 декабря в Центральном доме литераторов открылась выставка книг азербайджанских писателей. На снимке: азербайджанский поэт Сулейман Рустам подписывает свои книги Аркадию Перенчеву и Николаю Грибачеву. Фото Е. ТИХАНОВА

— Мы знаем Москву, как самого выскатального, строгого и требовательного ценителя. То, что нравится Москве, нравится всему народу, всему миру. То, что скажет Москва, это всегда правда, и эта правда помогает дальнейшему развитию и прогрессу.

На вечере с чтением своих стихов выступили выдающиеся поэты Советского Азербайджана: Самед Вургун, Сулейман Рустам, Мамед Рагим, Рахул Раа. Переводы из современной азербайджанской поэзии прочли поэты А. Жаров, П. Антокольский, П. Железнов, П. Панченко, П. Шубин, народная артистка СССР Е. Гоголева, заслуженная артистка РСФСР В. Обухова, заслуженный артист Грузинской ССР В. Брагин, артисты А. Консовский и В. Моргунов.

С успехом прошел концерт мастеров искусств Азербайджана. Он продемонстрировал высокую идейность и возросшее мастерство азербайджанского искусства. Вчера, 1 декабря, вечерний концерт азербайджанской литературы и искусства состоялся в Центральном доме культуры железнодорожников. Сегодня участники декады выступят в ЦДКА им. М. В. Фрунзе. В Центральном доме литераторов открылась выставка азербайджанской книги.

Я. ЭЛЬСБЕРГ

способностью выйти своей мыслью за его пределы...

Но неужели же толстовское обличение самого существа политического и экономического строя старой России, неужели мечта писателя о «совершенно новом устройстве человеческого общества» есть признаки такой незрелости? Ленин отличал «разум» Толстого от его «спиритизма». Несмотря на религиозные черты, присущие мечте великого писателя, Ленин видел сильную сторону Толстого в бурном протесте против всякого классового господства.

Когда Чехов в «Невесте» мечтает о том обществе, в котором «толпы в нашем смысле, в каком она есть теперь, этого зла тогда не будет... и каждый будет знать, для чего он живет», то разве не выражает он тем самым стремления к такому строю, в котором человеческая личность, каждый простой человек получат возможность полного и всестороннего развития, не стесненного уродливыми и удушливыми условиями классового общества?

Конечно, глубоко ошибочна теория «единого потока» с ее отрицанием идейной борьбы в литературе. Нельзя не видеть, например, идейных отличий, разделяющих Шедрина и Толстого. Однако также ошибочно затуманивать ту демократическую направленность, которая объединяла великих прогрессивных русских писателей XIX в. в их борьбе за будущую свободную Россию.

Повидимому, сам А. Лавренко чувствует шаткость своих вышеприведенных утверждений, ибо несколько дальше он заявляет: «Революционно-демократическая критика является тем узловым пунктом, через который литературе дворянского периода передаются подобно токам сильной напряженности запросы народных масс, и под ее воздействием создаются «Записки охотника», рассказы Григорьевича, полные истинной народности пьесы Островского, произведения Л. Толстого и многие другие». А Лавренко прав в том смысле, что революционно-демократическая критика идейно воспитывала прогрессивную, демократическую литературу и указывала, например, Толстому на его идейную теоретическую слабость и отсталость, особенно ясно проявившуюся в его педагогических статьях. Но ведь Толстой воспринимал «запросы народных масс» из самой русской действительности. Игнорировать это — значит игнорировать все своеобразное восприятие им народной жизни, гениально охарактеризованное Лениным, и заодно делать революционно-демократическую критику ответственной за слабые стороны этого восприятия. И затем, неужели же Толстой и Островский относятся к «литературе дворянского периода»? И каким образом согласовать правильную оценку произведений Островского, как «истинно-народных», с тем, что странней раньше представляла критическое и революционно-демократическое реализма рассматриваются как «противники»? Характерно, что, говоря о конкретных представителях критического реализма, А. Лавренко вынужден отступить от своей концепции, которая могла родиться лишь в результате отвлеченного теоретизирования.

Концепция А. Лавренко ведет к непониманию того, что русский классический реализм XIX века, вдохновленный бурным развитием русской жизни и получивший от русской революционной демократии

огромную, хотя и не всегда осознанную его представителями, идейную зарядку, неустанно шел вперед, обогащая мировое художественное развитие. Уже после смерти Шедрина Толстой и Чехов в образах простых русских людей из «Воскресения» и «В овраге», например, подметили и запечатлели новые черты духовного роста народных низов, проследили дальше тот происходивший в народной жизни «рост русского человека», на который указывал великий революционный демократ Салтиков-Штедрин.

А Лавренко в своей статье интересно анализирует борьбу революционно-демократической критики за высокую идейность литературы. Однако он при этом забывает указания Добролюбова о том, что правда является таким качеством художественной литературы, «без которого в ней не может быть никаких достоинств». Видя отличительные особенности революционно-демократического реализма в «осознанной тенденции, как основном условии новой художественности», и в «замене категории существующего более широкой и гибкой категорией общественно необходимого», автор приходит и к недооценке гигантского реалистического содержания русского классического реализма вообще, и революционно-демократической литературы.

Поэтому-то в другой своей работе (Вступительная статья к I тому «Избранных произведений» Н. Шедрина, 1950 г.) А. Лавренко дает крайне странное противопоставление «Ревизора» Гоголя — рассказу Шедрина «Приезд ревизора» (1857), играющему в его творчестве третью ступеньку роль. А Лавренко считает в этом рассказе главным «критику, если можно так выразиться, самой проблемы ревизора. Гоголь был своих «героев» тем, что заставляет их поверить в призраки их воображения — воображения взяточников и казнокрадов, поверить в мнимого ревизора, но «идея» испослального съезда и а с о я с е г о ревизора торжествует. Гоголь верит в эту идею, и финал пьесы является ее апофеозом. Шедрин же, как бы полемизируя со своим предшественником, показывает несостоятельность самого принципа ревизора».

Так принижается идейное и реалистическое содержание творчества Гоголя, которого Шедрин считал «величайшим из русских художников». Вспомним слова Ленина об идеях Белинского и Гоголя, «которые делали этих писателей дорогими Некрасову — как и всякому порядочному человеку на Руси...»

Чернышевский подчеркивал, что Гоголь «понимал необходимость быть грозным сатириком». А Лавренко превращает Гоголя в апологета «ниспослального съезда» настоящего ревизора, т. е. николаевского режима. Стохастическое противопоставление революционно-демократического реализма и критического реализма ведет к недооценке значительной части нашего классического художественного наследия.

Но советские люди, завоевавшие невиданное еще в истории богатство духовной культуры, гораздо более творчески, живее, ярче, глубже и шире, чем то вытекает из этой стохастической схемы, воспринимает все великое прогрессивное классическое художественное наследие. В свете всемирно-исторических побед советского народа стало особенно ясным, как многим им обязаны всем лучшим национальным традициям русской культуры прошлого, среди величайших представителей которой товарищ Сталин, наряду с Белинским и Чернышевским, назвал Толстого и Чехова.

ко открытые ворота, осязательно, навсегда. Интересно наметены герои — учитель узбекских металлургов уральский мастер Василий Иванович Пугачев, его ученик и приемный сын Сали Салыков, молодой инженер Манзура Юсупова. Они-то и «ведут» науку на производство, стирая грани между физическим и умственным трудом. Рассказы о своих героях, Аскад Мухтар избегает чужеродных, боковых, сторонних мотивов, заслоняющих, как мы видели на примере «Итальянской повести», жизненно правду; он идет прямо на предмет, сосредоточивает свое внимание на избранной им теме.

Однако тема эта получает отвлеченное, умозрительное решение. Слишком много общих фраз проносятся персонажи, фраз, в которых не обнаруживается подлинный человеческий характер. Слишком белое, а потому расплывчатое очертание фигуры портрета Данилова, Олега Харченко, Ганьева, Нуриддинова и других героев повести. Двойственность инженера Саттарова показана неглубоко, противоречивые качества механически связаны в характере героя, и потому многое в отношении его с Манзурой не имеет прочного психологического обоснования.

Произведение А. Мухтара обсуждалось в Союзе писателей Узбекистана. Были отмечены ошибки, допущенные автором и переводчиком Н. Ивашевым. Краткий отчет об этом обсуждении напечатан в девятом номере журнала одновременно с заключительными главами произведения. Однако промахи писателя и переводчика, замеченные литературной общественностью, не попали в поле зрения редакции. А ведь ее прямой обязанностью было помочь талантливому поэту, впервые выступавшему в области прозы.

Лишь звезда в журнале появляются произведения, которые могут дать должное представление об успехах литературы Узбекистана. К их числу принадлежит драма Камилы Ишона и Амина Умары «Хамза» (№ 3). Она охватывает последний период жизни и деятельности выдающегося революционного поэта и музыканта Хамзы Халим-заде Ниязи. Перед нами возникает героический образ пламенного патриота, непримиримого борца с эксплуататорами, врагами народа и партии.

Картина смерти Хамзы, зверски умерщ-

вленного кулацкими агентами, вызывает ненависть к подлым убийцам и к тем, кто стоит за их спиной. Надо, однако, сказать, что авторам следовало более наглядно и обстоятельно вскрыть связи между империалистической реакцией и последними в ней в усугубление посетителями реакции феодальной. Тогда мы явнее увидели бы лицо подлинных организаторов убийства Хамзы, ныне еще дальше ушедших по пути проклятой, преступлений и диверсий.

На страницах «Звезды Востока» встречаются хорошие стихи, отражающие политическую страсть и образную силу узбекской поэзии. От имени народа требуют жестокой кары поджигателям войны Мирмухамед. Задуманные, сильные и нежные слова находят Тираф Тула в своем стихотворении «Родина». Но здесь же печатается и во многом условные, «декоративные» произведения, написанные по давно устаревшим канонам. К сожалению, это в большой мере относится к подборке «Твоя поем, родной Узбекистан!», опубликованных в первом номере журнала, посвященного 25-летию республики. Здесь, в стихах Т. Тулы, М. Бабаева и русской поэтессы Светланы Сомовой снова и снова всплывают примелькавшиеся «чаши вина», «горлянки», «гвалышаны».

По узбекские поэты все решительнее отходят от мешающих им нежизненных традиций — отсюда критика и библиография. Здесь преобладающее место занимают статьи и рецензии, посвященные авторам «Звезды Востока». Надо сказать, что произведения, печатающиеся в предыдущих номерах, подчас подвергаются строгому и справедливому разбору. Но возникает вопрос: почему ряд недостатков в опубликованных ранее произведениях не был устранен рукой выскатального редактора?

Отсутствие твердого направления в работе редакции, ограниченность представлений о задачах журнала дают себя знать и в других его разделах. Как нельзя более показательны в этом отношении дружеские эпиграммы и шаржи, заполняющие заключительные страницы большей части номеров. Здесь зачастую идет речь о таких мелочах писательской профессии, которые интересны только узкому кругу литераторов, а следовательно, не могут претендовать на внимание читателя, не питающего никакого интереса к культурным «сенсациям».

Особо следует отметить недостатки в работе одного из важнейших отделов журнала — отдела критики и библиографии. Здесь преобладающее место занимают статьи и рецензии, посвященные авторам «Звезды Востока». Надо сказать, что произведения, печатающиеся в предыдущих номерах, подчас подвергаются строгому и справедливому разбору. Но возникает вопрос: почему ряд недостатков в опубликованных ранее произведениях не был устранен рукой выскатального редактора?

Статьи и рецензии, печатающиеся в отделе критики, рассматривают работу отдельных писателей вне связи с общими успехами и задачами социалистического искусства. В итоге появляются «монографии» о творчестве Александра Удалова, Андрея Иванова, Александра Сечко, Светланы Сомовой и других прозаиков и поэтов. Мы узнаем, что данный автор в новой своей книге «сделал шаг вперед», но лишь по отношению к его же собственным, ранее написанным произведениям, а не в свете развития всей литературы. Поэтому дальние замечания, встречающиеся в статьях Г. Владимирова, С. Лиходневского, Вит. Попелова, так и остаются несобранными, лишеными ясности и точного направления и приема.

Центральная печать выступала с резкой критикой «Звезды Востока», указывая на многие существенные недочеты в работе журнала. Эти недостатки вполне устранимы. Писатели Узбекистана располагают всеми возможностями для того, чтобы создать журнал, достойно отражающий жизнь страны, организующий и воспитывающий литературные силы республики.

И. ГРИНБЕРГ

Тусклые образы

По страницам журнала «Звезда Востока»

Весомы и ярки победы узбекского народа. Они воплощены в огнях мощной Фархадской ГЭС, в достижениях научно-исследовательских институтов, в урожаих хлопковых полей. За всеми этими успехами стоит человек сталинской эпохи. Мысли и чувства рядовых строителей коммунизма так же прекрасны, как их дела. Писать о них — людям, которые за короткий срок, меньший, чем жизнь одного поколения, шагнули от феодализма на подступы к коммунизму, — большое счастье!

Рост нашей социалистической жизни определяет и характер задач, стоящих перед редакцией журнала «Звезда Востока». Читатель ищет на его страницах встречи с героями, достойно воплощающими славный опыт человека нашей эпохи, его широкий кругозор и разносторонность интересов, благородство отношений, рожденных социалистическим обществом.

Однако подобные встречи редки. В десяти номерах «Звезды Востока», вышедших в текущем году, напечатано довольно много очерков, посвященных переводчикам промышленности и сельского хозяйства Узбекистана. Но большинство из них написано сухо, без вдохновения и страсти. Авторы ограничиваются канцелярской отпиской, сухой информацией, собранной графической «спиритической» вышивкой.

В очерке с обещанным названием «Женщина, покорившая пустыню» (№ 2) Саид Ахмад на двух с половиной страницах торопливо приводит цифры, свидетельствующие об успехах колхоза, сообщает анкетные данные героини очерка и завершив это пейзажной «кюветкой» («Где-то кричал перелет. Вдали виднелись флюгеровые тени величавых гор»), считает своим заданием исчерпанной.

А ведь Саид Ахмад — одаренный писатель, и трудно поверить, что он не может

написать ярче, содержательнее, поэтичнее об Аляте Асановой — девушке, руководившей стройкой кишлака, который назван ее именем. Значит, все дело в нетребовательности редакции и самого автора, в следовании убогому штампу, который склеивается и в очерках Утгура Рашидова «Лочь народа» (№ 2), Маждида Усмана «В одной махалле» (№ 3), Ал. Шмакова «В кишлаке Ак-Тепе» (№ 5). Здесь авторы тоже таютуют в протоколу, в анкете, к отчету.

«Документы — лучшие свидетели!» — утверждает М. Ляховский в очерке «Одно колхозе» (№ 7). Споры нет. Документы — свидетели хорошие и нужные, но только в том случае, если они помогают постигнуть характер живых советских людей в их трудовой практике, с их многообразными растущими запросами и планами.

Нам вспоминается и Хамракул Турсулов, председатель прославленного колхоза им. Кагановича, колхоза, победившего пустыню и видевшего на своих полях представителей зарубежных стран, и знавший садовод Ризамат Мусамухамедов — ученик Мичурина и Лысенко, щедро и увлеченно передающий свой опыт виноградарям Молдавии, и широко известный в народе композитор Тохтасин Джалилов. Каждый из них — неповторимая, яркая личность, человек в самом чудесном, горьковском понимании этого слова, рожденный советским строем, воспитанный и выращенный большевистской партией. Когда же мы читаем очерки об этих людях, то узнаем лишь внешние факты их биографии и показатели производительности труда. Очеркам, помещенным в «Звезде Востока», не хватает лучших черт, которые характерны для советского очерка: глубины анализа явлений, полноты характеристик, цельности повествования.

Поэзия советской жизни слабо раскрыта и в повестях и рассказах, опубликованных в журнале. Действие «Итальянской повести» Хамиды Гуляма (№ 1, 2

А. МАРЬЯМОВ

Свет нашего дня

Очень молодой, очень счастливый и жизнерадостный человек идет по Москве. Еще и года не прошло с тех пор, как окончилась война. Только что сняты погоны с гимнастерки. Пришел долгожданный день возвращения в родной город — возвращения после пятилетней разлуки. Шедшим юльским солнцем освещены улицы, дома, лица встречных. Это неуловимое, ясное и праздничное солнце освещает всю жизнь, приветливо открывающуюся перед молодым человеком, только что возвратившимся из трудового, долгого, но завершающего счастьем победы пути...

Вот начало повести Юрия Трифонова «Студенты», напечатанной в журнале «Новый мир».

Уже первые страницы этой повести радуют и привлекают достоверностью портретов, психологической точностью, правдивостью и конкретностью деталей.

О «Студентах» можно говорить, как о первом крупном литературном произведении, опубликованном Ю. Трифоном. До этого он напечатал лишь рассказы «В степях», помещенный в альманахе «Молодая гвардия» два года тому назад, когда автор еще был студентом Литературного института. В этом рассказе, описывающем угол жизни в отдаленном овинском совхозе, природа была показана лучше, чем люди, некоторая условность отмечала человеческие образы, литературный багаж ощущался более, чем реальный жизненный опыт. Зато казахская степь была написана тонкой словесной акварелью, и весь рассказ согрет был горячей увлеченностью, искренностью симпатий и неприятия. За недостатками повествования ощущалась молодость автора, но уже и в этом первом рассказе угадывался несомненный литературный талант.

Молодость автора ощущается и в «Студентах». Ее легко подметить не только в том, что образы Вадима Белова и его сверстников удался Ю. Трифонову лучше, нежели изображения героев, принадлежащих к старшему поколению (не то, чтобы портреты этих старших героев были неверны; но сразу чувствуется внезапная скованность, которая вдруг сменяет свойственную Трифонову щедрость деталей, сама принимает он за какой-либо из этих портретов). Молодость чувствуется и в самой манере письма, в щедрой детализации, которая приходит как бы от первого удивления перед силой слова, способно передать все, что видит человек, все, что думает он и что чувствует.

Главная тема «Студентов» не нова. Студенческому коллективу, дружному, живущему всеми интересами страны и стремящемуся к общей высокой цели, противопоставленной этим интересам (Вадим Белов — яркий и типичный представитель этого коллектива), противопоставлен индивидуализм, падающий тем глубже, чем дальше он отходит от коллектива, чем резче отделяет на личные свои устремления от устремлений, владеющих остальными его товарищами. Таким индивидуализмом оказывается Сергей Палавнин, давний школьный приятель Вадима.

Подобная ситуация встречалась уже и в прозе и в драматургии. В повести Ю. Трифонова, однако, этот многократно использованный конфликт освещен с большой глубиной и достоверностью; а кроме того, повесть эту обогащают еще и многие побочные линии, нередко привлекающие к себе не меньший читательский интерес, нежели взаимоотношения Белова и Палавина.

Приметы времени ощущаются в книге со всей ясностью. Действие происходит зимой и весной минувшего года, и датировка эта не произвольна; она достоверна не только потому, что точно даны приметы памятной ранней и жаркой прологической весны; и даже не потому только, что достоверен круг споров и интересов, названия обсуждаемых книг или содержание газетных телеграмм о текущих политических событиях. Дело, конечно, в том, что сами герои повести наделены чертами, свойственными именно и а именно в это время.

Эти новые черты сказываются в широком кругозоре, в обилии и прочности знаний, во взглядах на любовь и на дружбу, в подходе к проблемам воспитания и самовоспитания, в отношении к семье. Хорошо обрисована естественная, равно властная всеми героями (кроме разве Сергея Палавина да Лены Медовской) потребность в коллективном разрешении всех важных, — зачастую даже сугубо личных, — вопросов. Потому комсомольская жизнь курса неотделима от жизни каждого из героев повести. Из немногих, рассыпанных в различных главах штрихов вырастает чрезвычайно симпатичный образ секретаря курсового бюро, Спартака Ю. Трифонова, «Студенты», «Новый мир», 1950, № 10, 11.

Галустяна — юноши искреннего, честно-го и прямого. Поднокровная достоверность портретов вообще свойственна этой книге — даже в том случае, когда портрет писан с лица, играющего в повествовании лишь эпизодическую роль. Живописно и верно, то с улыбкой, то с жесткой протокольной точностью, то со злой издевкой, — смотря по тому, каков объект, — показывает Трифонов студентов на катке, повествует о собрании заводского литературного кружка, изображает визит Палавина к профессору-формалисту.

Сочность «бытописания» и достоверность многих образов составляют пока наиболее сильную сторону Ю. Трифонова. Когда же начинаешь вдумываться в то, как построен сюжет и как разрешены намеренные автором проблемы, то обнаруживаешь некую рационалистичность, изобретательность противопоставлений, при которых геометрическая прямолинейность берет верх над сложностью действительной жизни.

Сюжет построен, примерно, так: В первый день после возвращения своего в Москву Вадим Белов встречается со своим другом детства Сергеем Палавиным. Вчерашние бойцы Советской Армии, они поступают в педагогический институт, чтобы продолжать прерванную войною учебу. Первые две главы обнимают двухлетний период, — собственно, это лишь вступление к повести. Начинается же она, по существу, лишь с момента, когда герои переходят на третий курс института.

Перед институтом Вадим не видел своего приятеля много лет; они расстались мальчишками. Теперь он узнает Сергея заново. И он видит, как из мелких черточек, которые прежде не привлекали к себе внимания (а если и привлекали, то казались признаками незаурядности Сергея, его одаренности), развиваются теперь отталкивающие свойства характера, присущие людям иного, чуждого общества, иного — буржуазного — мира. Своеременные, карьеризм, эгоистическое стремление к собственному благополучию, готовность добить это благополучие любой ценой, — вот что начинает различать теперь Вадим в поступках Палавина. Со всей прямотой и резкостью говорит он об истинном моральном облике Палавина на бюро курсовой комсомольской организации. Мелкий, нечистый человек предстает перед одноклассниками, в чьей среде Палавин пользовался до сих пор авторитетом.

Оказывается, что знания его были дилетантскими; комсомольская активность — показной. Да и вообще-то поступки Палавина в педагогический институт не по призыву, а просто потому, что полагал, будто ему легче будет здесь «высидеться», так как конкурс был невелик и поступившие показались ему «серьезными». Добавок ко всему раскрылся еще и грязный поступок, совершенный Палавиным по отношению к девушке, которая его искренно любила.

Комсомольская организация выносит Палавину строгий выговор с предупреждением. Выяснение он переносит тяжело, собирается перейти на заочное отделение, уехать из Москвы. Однако заканчивается повесть оптимистически: Сергей Палавин вновь приходит в институт и в финале участвует вместе с одноклассниками в рядах первомайской демонстрации.

Наряду с разочарованием в друге, Вадим переживает разочарование и в своей первой любви. Лена Медовская во многом напоминает Палавина. У нее легкое отношение к жизни; новым платьем и урокам «вокала» уделяет она больше внимания, чем основной своей учебе; любит видеть вокруг себя «шквалоников», собирать на вечеринки пустых остряков... Лена и к Вадиму относится, как к очередному «шквалоннику»; не отталкивая его, но и не дорожа серьезностью и глубиной владеющего им чувства.

Поняв, что представляет собою Палавин, Вадим начинает разбираться и в свойствах Лены Медовской. Независимое чувство, привлекавшее его к Лене, сменяется зарождающейся любовью к сестре одного из одноклассников Вадима, — Андрея Сырых, — Ольге.

К сожалению, Ольга написана несравненно бледнее, чем Лена Медовская. Автор здесь вывел формулу почти математическую: «Ольга противопоставит Лене так же, как Вадим противопоставит Сергею». Но такое построение идет в гораздо большей степени от литературных традиций, нежели от жизни. Учеба в сельскохозяйственном техникуме — лишь ярлычок на портрете Ольги. Спена в лесу, когда Вадим и Ольга идут на лыжах и теряют лыжню, написана превосходно, но все же, в целом, в образе Ольги черты «лесной отшельницы» преобладают над описанием характера реальной советской студентки.

К тому же условно само распределение пар: Вадим — Ольга, Палавин — Медовская. По принципу духовного подобия построена геометрическая фигура — некий равнобедренный четырехугольник.

Точно так же противопоставлены и матери героев: Вера Фадеевна Белова и Ирина Викторовна Палавина.

Ю. Трифонов хотел доказать неоспоримо верное положение: характер человека во многом формируется семьей, домашним воспитанием. И только для подтверждения этой истины существуют в его повести обе матери — Вера Фадеевна, относящаяся к Вадиму, как старший друг, и Ирина Викторовна, потакающая всем прихотям сына. Дополнительные черты они лишены.

Очень мало показаны педагоги, формирующие героев повести. Подробное описание литературовед-формалист Козельский. Выводы его, Трифонов также пытался построить геометрическую фигуру, основанную на противопоставлении: с Козельским должны бы контрастировать Кречетов и Сизов. Но тут читатель должен принимать на веру слова о хорошем отношении студентов к Кречетову, так как сам он в действии почти не показан. Портрет декана факультета Сизова несколько конкретнее, чем портрет Кречетова, но во взаимоотношениях со студентами не показан и он.

Схематичны эти образы, вероятно, и потому, что в значительной мере условен и самый институт, в котором обучаются герои книги. Он назван педагогическим. Но слишком редко вспоминает об этом автор, слишком мало задумывается над будущей своей профессией студентки.

Лишь как иллюстрация тезиса о связях студентов с внеинститутской жизнью описано и шефство над заводским литературным кружком. В связанных с этой линией эпизодах повесть отчетливо чувствуется меньшее знание материала.

Если обобщить недостатки повести, то окажется, что порождены они преимущественно двумя причинами: неравномерным знанием описываемого материала (это относится не только к событиям, но и к героям) и облегченностью сюжетных ситуаций. Из этой облегченности, — из стремления побыстрее и полечее обойти все острые углы, — возникает и «вспенение», которое Трифонов внезапно проявляет и к Сергею Палавину, и к Лене Медовской, и даже к профессору Козельскому, — человеку весьма и весьма далекому от нашего общества. Если возможность пересопоставления Сергея и (прарада, в ментальной степени) Лены обусловлена развитием повести, то возвращение Козельского на университетскую кафедру вызывается у читателя прямой протест.

Кстати сказать, отсутствие подобного воспроизведения было очень приятно в первом рассказе Трифонова, упомянутом в начале этой статьи. Там появлялся встречать Скворцов, многими чертами напоминающий Козельского, и Трифонов со всею решительностью убрал его с пути остальных героев. В повести эта решительность ему изменила. Потому и концовка «Студентов» оставляет впечатление сомкнутости; узлы, завязанные в предыдущих главах, не развязываются здесь, а поспешно рубятся автором.

Как мы видим, недостатков в «Студентах» еще немало. Почему же повесть эта сразу привлекала к себе читателей, вызвала споры в среде молодежи?

Больше всего привлекает к повести ее искренность, атмосфера большой моральной чистоты, полнокровный реализм студенческих образов, обилие эпизодов, насыщенных поэтичной поэзией. Почти все в повести оптимизма. Отличны картины студенческой жизни: зимняя сессия, именины в общежитии, новогодний капустник, экскурсия в Третьяковскую галерею, работа на прокладке газопровода, волеболезный матч.

Настоящий литератор — умный и наблюдательный — чувствует в каждом из этих портретов и эпизодов. Тем важнее предупредить его с первых же шагов: обязательность и чрезмерное увлечение неоправданными деталями, наносящее иногда ущерб главному замыслу, представляют собою немалую опасность; гладкая «беллетристика» может, в конце концов, помянуть собою литературу, настоящее реалистическое искусство.

В «Студентах» такой помянуть еще не произошло; есть лишь черточки, дающие основание для профилактического, так сказать, предупреждения. В целом же, при всех своих недостатках, первая повесть Юрия Трифонова представляет собою несомненную удачу. Это правдивая, взволнованная книга о молодом человеке нашего времени. Исный слог нового дня ярко освещает ее молодых героев и открывающуюся перед ними широкую и прямую дорогу.

Лев КАСИЛЬ

Поэма о защитниках мира

Без малого четверть века работает в нашей детской литературе поэт Н. Саконой. Тысячи и тысячи малышей впервые научились распознавать краски окружающего их мира по книжке Саконой «...Про четыре цвета». Дети самых разных возрастов распевают известную песенку Саконой о метро; самые младшие хорошо помнят поэтические, легко ложившиеся на детский голос, поэтические разговорные интонации стихов «Подружки», «Годка по годке», «Бережка»; дети постарше знают стихи Саконой, в которых поэт как бы напутствует своих подрастающих друзей («В добрый путь!»), ведет их в жизнь по заманчивой «Тропинке», воспевая для них дружбу («Память и верность») и бесстрашие советских людей, приступить берущих труднейшие препятствия на пути к победе («Все в порядке!»).

С годами поэтический голос Саконой заметно крепчал. Стихи ее постепенно мужали, не теряя при этом своей теплоты, особенно тогда, когда поэт, преодолев известную творческую робость, прежде сковывавшую стих, смело и образно решал большие темы дружбы, воинского долга, труда. В этих стихах Саконой вместе с маленьким героем одного из своих стихотворений мог бы сказать:

И стала мысль моя тверда И тверд и ровен почерк. Как счастлива человек, когда Он знает, может, хочет...

Этим твердым окрепшим почерком написала Саконой одну из своих лучших вещей, посвященных памяти А. Гайдара, — «Судьба барабанщика», отличную балладу о писателе-воине. Описанные новых творческих сил позволило Саконой выйти за сравнительно большие по объему произведения. Такова поэма «Светлое имя», где замысел поэта привел в последние годы московскую комсомолку с путевой МК ВЛКМ в тот самый район, в котором бесстрашно встретила смерть Зоя Космодемьянская. Возвращение бесстрашного подвига Зои и озабоченного его светом сегодняшнего комсомольского задания, которое получила молодая воспитательница юных пионеров, как бы продолжала Зоиное дело, составляет содержание поэмы. Но она несколько статична; в ней лишь дана заявка на многообещающий сюжет, которому не дано развития, необходимого для настоящей поэмы.

Более действительно, в соответствии с требованиями большого замысла, развивается повествование в новой большой поэме Н. Саконой «Плач партизана», напечатанной в журнале «Пионер» и сейчас вышедшей отдельным изданием в Детгизе. Поэма повествует о жизни семьи докера в одном из больших торговых городов Франции. Отец, в прошлом партизан, боец Сопротивления, видит, что свобода родины, отвоинная отважными и простыми людьми, безымянными героями, пошла с торгов иноземным хищникам. Как истинный француз, он швыряет за борт разбухшего корабля американские

Н. Саконой. «Плач партизана». Детгиз, 1950 г. 16 стр.

лишки со снарядами. Старый докер погибает от пули полицейского офицера. Гнусное убийство вызывает грозный гнев миролюбивых людей. Люди объединяются, чтобы дать отпор зачинщикам войны.

Плывут разбойничьи суда, И негде им пристать... Идут с оружием поэты, Чтобы вернуться спать...

И маленькая ослепевшая Жанна вместе с матерью-вдовой, продолжая дело погибшего отца, идут собирать подписи под Воззванием сторонников мира, укрывшись старым партизанским плащом отца, — они идут сквозь мрак, ветер и дождь, который «на пути у них встает торжественной стеной». Они «заходят в каждый дом, стучат во все лагути». И везде их встречают, как друзей, дают отогреться и бережно берут в руки заветный листок, который мать и дочь принесли в кармане отцовского плаща. И Жанна видит, как растет «колонна строк» подписей.

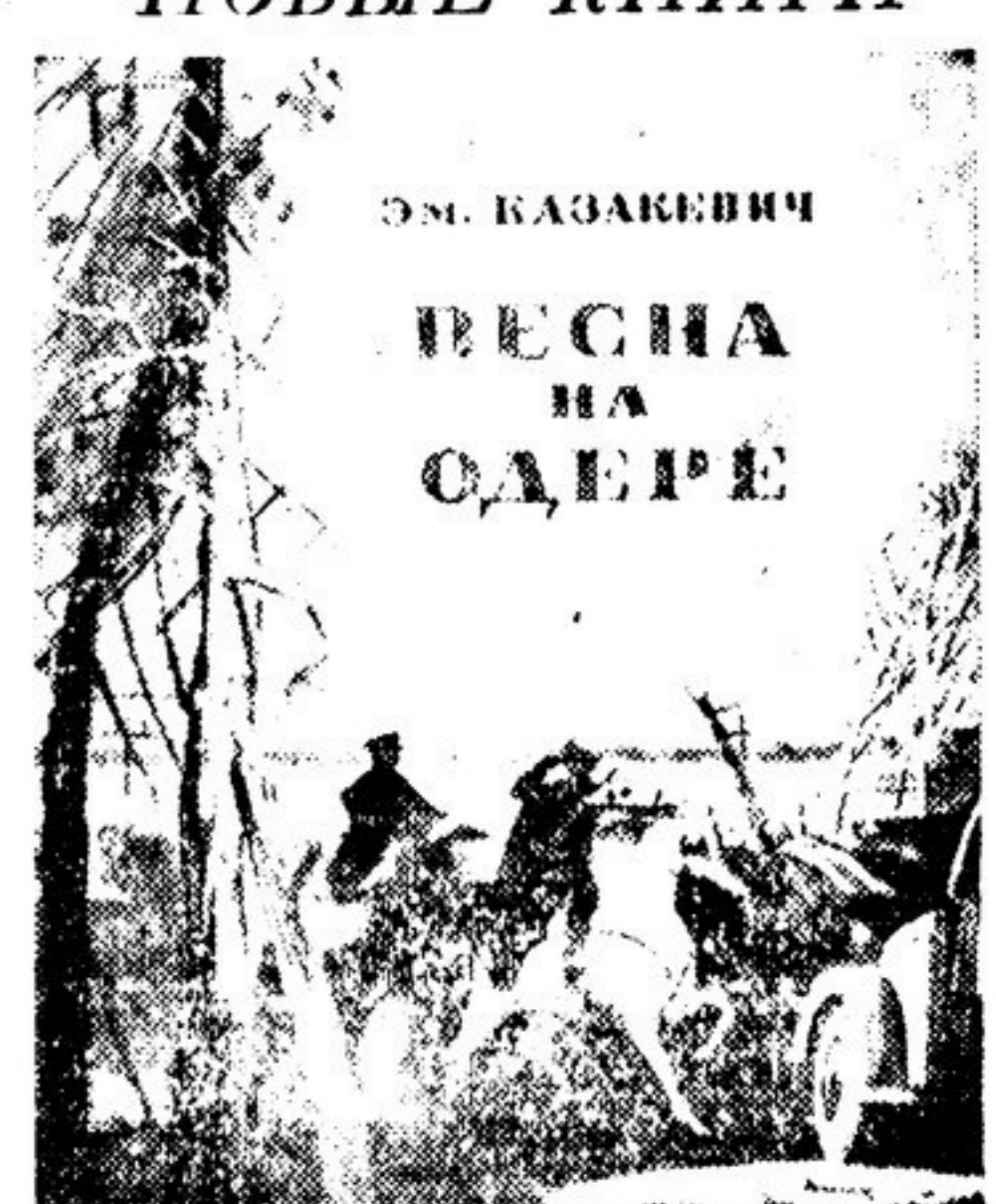
Какая мудрость в том листке! Какая правда в том листке! Какая сила в нем! В нем жизнь и счастье всех детей, В нем утро их весны, Простой ответ простых людей Зачинщикам войны. В нем тысячи людских судеб, Их мирный труд, Их кров, Их слез, И шум дубрав, И яблонь цвет, И тучные поля... На нем спокойный, ясный свет Далекое Кремля.

Сюжет поэмы разворачивается естественно и широко. Поэт сумел придать уже знакомой ситуации характер большого, волнующего и типического обобщения. В то же время повествование Саконой вполне конкретно; известная символичность образов не лишает их теплоты и живости. Поэма в целом — значительная удача Н. Саконой, которая сумела с большой силой передать для юных и взрослых читателей высокие, страстные помыслы рядовых защитников мира, их светлую уверенность в конечной победе доброго, миролюбивого начала, мужественную верность ему и готовность самоотверженно сражаться за мир и счастье народов.

Поэма написана добротными, ясно построенными стихами. В них местах стих Саконой достигает подлинного драматизма и высокой патетики, в других он приобретает уверенную точность афоризма. Старомодные литературные интонации, вроде «лаж хитроплатенной итй», встречаются как исключение в этой поэме, где радуется и творческая смелость поэта, взявшегося решить одну из самых волнующих тем современности, и глубокая искренность.

Среди произведений советских писателей, посвященных великой борьбе народов за мир, по праву займет видное место поэма Н. Саконой, сумевшей горячо и вытчно рассказать детям о рядовых защитниках мира.

Н О В Ы Е К Н И Г И

Азбукин Б. «Человек идет к цели». Повесть. «Молодая гвардия», 320 стр. Цена 8 р. 50 к.

Александров В. «Люди и книги». Сборник статей. «Советский писатель», 208 стр. Цена 6 р. 50 к.

Аргунинская Л. и Поэма М. «Крылатые мечи». Роман, кн. I. «Советский писатель», 264 стр. Цена 7 р.

Баркова О. «Каждый день». Повесть. «Советский писатель», 386 стр. Цена 9 р.

Бахметьев В. «Из плена лет». Избранные («Из плена лет», «У порога», «Преступление Мартына»). «Советский писатель», 543 стр. Цена 13 р.

Богатырев В. «Хозяева земли». Поэма. «Советский писатель», 84 стр. Цена 2 р. 50 к.

Вишневский В. Избранное. («Первая Коляска», «Оптимистическая трагедия», «Милы из Крошатада», «Незабытый 1919»). «Советский писатель», 339 стр. Цена 7 р. 50 к.

Демьянов И. «Рассвет». Стихи. «Советский писатель», 72 стр. Цена 1 р. 50 к.

Жданов С. «Путь на жизнь». Повесть. Книжки I и II. Ростовское областное книгоиздательство, 304 стр. Цена 12 р.

Журавлев Т. «Рядовой Антинов». Записки офицера. «Советский писатель», 184 стр. Цена 3 р.

Караванова А. «Родной дом». Роман. «Советский писатель», 435 стр. Цена 10 р. 50 к.

Маркова О. «Улица Сталевара». Повесть. «Советский писатель», 231 стр. Цена 4 р.

Озерный Б. «Огни на стрелках». Стихи. Саратовское областное издательство, 96 стр. Цена 2 р. 60 к.

Охотников В. «Дороги вглубь». Повесть. «Молодая гвардия», 216 стр. Цена 6 р.

Песни русских поэтов. Библиотека поэта. Малая серия. «Советский писатель», 536 стр. Цена 8 р. 50 к.

Попков А. «Дорога счастья». Роман. Красноярское краевое издательство, 300 стр. Цена 10 р. 50 к.

Попов И. «На исходе ночи». Роман. «Советский писатель», 536 стр. Цена 12 р.

Порфирьев Б. «Мяч в сетке». Повесть. «Молодая гвардия», 218 стр. Цена 5 р. 70 к.

Смирнов С. «О самом сокровенном». Стихи. «Советский писатель», 124 стр. Цена 3 р.

Шевелева Е. «Подруги». Стихи. «Молодая гвардия», 112 стр. Цена 2 р. 50 к.

Эргарт М. «Друзья». Роман. Профиздат, 592 стр. Цена 19 р. 75 к.

Эренбург И. «Надежда мира». Сборник статей. «Советский писатель», 97 стр. Цена 1 р. 50 к.

Сергей АНТОНОВ Дыхание коммунизма

Хлеба зымяют от зноя. У тракторов «ребра болтают» от жары. Колхозники и работники Солончанской МТС жгут не дождю дождя. И вдруг на горизонте появилась туча. Одна из первых видит эту тучу из своей радиорубки диспетчер МТС, шестидесятилетняя Зоя. «Вы видите тучу?» — радует она всем по очереди. Но вот остался только Оксана, и Зоя колеблется: «Надо ли сейчас осыпать ее таким счастьем?» Дело в том, что к трактористке Оксане неравнодушен механик Савва, а Зоя сама безнадочно влюблена в Савву... Но Зоя гасит темное чувство в сопернице и радует Оксану. А в это время смотрит на Зою Савва и впервые замечает, как она красива.

Такова сюжетная схема «Жаворонка» — одного из двух рассказов О. Гончара, напечатанных в ноябрьской книге «Нового мира».

Второй рассказ, «На дороге», так же прост. Председатель колхоза Глухенький стремится первым в районе сдать хлеб государству — получить «первую квитанцию». Глухенькому важно перенять колхоз «Червоная степь», с которым у него соперничество. К тому же с председателем «Червоная степь» Мариной Хижняк у Глухенького особые счеты.

На рассвете Глухенький повез зерно на сдаточный пункт. Но в дороге случилось несчастье: спустилась камера, а шофер Ишко забыл в гараже насос. Глухенький в отчаянии. «Заскрипела пыль на зубах» у него, когда мимо прочла «ЗИС» соперницы по соревнованию. Но машина останавливается. Марина Хижняк предлагает шоферу насос и, когда баллон накачан и колесо поставлено на место, пропускает Глухенького вперед, не желая «на чужой беде авторитет зарабатывать».

Несложны сюжеты обоих рассказов, немного в них действующих лиц: в одном — пять человек, в другом — три. Но после того как прочтаны «Жаворонка» и «На дороге», у читателя создается впечатление, будто он только что был среди множества добрых, веселых и трудолюбивых людей. Остается ощущение большого советского коллектива.

Трудно на нескольких страницах передать атмосферу коллектива. Иной писатель и собрание изобразит, и персонажей человек десять заставит разговаривать, а ощущения коллектива нет. Куда легче описать человека! Гончар это делает мастерски. Например: «Ишко, растаявшие дольки, сидел над баранкой прямой, оцепеневший, будто проглотил пятачок аршин» — вот и черты портрета шофера. Но, показывая отдельных людей, Гончар умеет хорошо изобразить и коллектив.

Это ему удается, во-первых, потому, что каждый из немногочисленных персонажей рассказов наделен отчетливыми индивидуальными чертами характера и вместе с тем представляет членом большого советского сообщества трудящихся — наделен типическими чертами, общими для всего коллектива в целом. «В работе Зоя находит истинное наслаждение, работа объединяет ее с коллективом, который давно уже стал для девочки и родней и самой верной опорой в жизни», — объясняет О. Гончар то, что, в сущности, ясно и без этих совершенно правильных слов. Во-вторых, герои рассказа О. Гончара даны в связи не только с другими персонажами, но и с коллективом. Коллектив определяет их поведение. Поэтому коллектив выступает в рассказе О. Гончара одним из самых положительных действующих лиц.

От каждой страницы его рассказов веет свежим дыханием недалекого коммунистического будущего, когда все нормы морали и поведения человека будут сами собой, естественно и гармонически согласовываться с интересами общества.

О. Гончару удалось показать благотворную роль социалистического общества. Каждый из его членов несет перед обществом моральные обязательства и моральную ответственность, но это не обременяет, не ущемляет интереса личности, а, наоборот, обогащает и улучшает ее.

Когда Зоя поняла, что в сердце ее закипает ревность к трактористке Оксане, что «недоброе чувство вырывается в ее ранние, ясные отношения с людьми», она сразу же стала оценивать свое поведение, представила себя частью коллектива. И Зоя (а вместе с ней и читатель) научилась понимать всю противостоимость этого униженного чувства. «...Зоя, вызвав Оксану, уже поза сопернице в далекой степной вагончике: — Оксана, Оксана, ты слышишь, ты видишь... К вам пошел дождь!»

Оксана благодарно, ласково отвечала, что видит.

«Раздала Зоя всем свое радостное богатство и, раздавая его, не беднела, а, наоборот, сама становилась еще богаче».

На вопрос подружки, где Зоя нашла столько друзей, «Всюду», — серьезно ответила Зоя и обвела рукой вокруг.

Атмосфера дружеского, заботливого и требовательного коллектива, мне кажется, должна обязательно присутствовать в наших рассказах. В этом одно из коренных отличий советского рассказа от нынешней буржуазной новеллы, где, как правило, человек действует сам по себе, под влиянием случайности, изолированный от общества, которое если и выступает в призрачном, то как враждебная сила.

В обоих рассказах О. Гончара есть еще одно достоинство, которое я бы назвал правильно выбранной точкой зрения.

Читая «Жаворонка», все время чувствуешь, что автор незримо стоит рядом с главным героем — Зоей и до того сроднился с ее душой, что повествование ведет как бы от лица Зои, смотрит на все глазами Зои, относится ко всему так, как относится Зоя. Вот как автор описал думы Зои о ее любимом: «Когда он вернется? Вернулся бы к вечеру, может, вышел бы опять во двор со своим голубиным банком... Но разве не от нее, не от Зои, зависит возвращение Саввы? Может, она сама, перехватив Савву в степи, пошлет его прямо от Паливова в какую-нибудь другую бригаду, прикажет мчаться туда как можно скорее, не заезжая в МТС... И прикажет, и пошлет, несмотря ни на что».

Такая манера дает возможность автору наиболее полно передать переживания героев и дать читателю почувствовать отношение писателя к повествованию. Автор охватывает рассказ иногда лириком, теплой дружеской прозой, избегая холодного объективизма и дидактичности. Сложная задача — писать от лица человека, который должен уметь в себе чувство ревности. А у Гончара это получается убедительно, главным образом, потому, что он показал самое дорогое, что определяет советского человека: интересы коллектива превыше всего для этой шестидесятилетней девушки — жаворонка, как ее называли трактористы.

О. Гончар сумел показать, что новая психология Зои определяется окружающей ее жизнью и трудом. И становится понятным, почему так чуждо относится Зоя к мнению знакомых и незнакомых друзей.

На большой высоте средства художественного мастерства в рассказах О. Гончара. Сочен и несомненно скупой диалог героев. Вот как разговаривают трактористка Оксана и отец Зои, заведующий МТС, о тракторе: «— Ветеран... За Волгу своим ходом ходил... Вытянет сезон, Оксана?»

«Вытянет, Карп Васильевич, да, может, и не один еще сезон! Это он только на вид вроде пожилой, а душа у него молодая!»

«Молодая, говоришь?»

«Если вспомнить, что Оксана влюблена в немолодого уже вдовца Карпа Васильевича, то начинаешь подозревать, что разговор этот идет не только о тракторе... Прекрасно выписан трудовой пейзаж нашей Родины: «...задумав, загудят широкие битые поляны! Какой-нибудь незадачливый суслик, намерившись перебраться дорогу, вынужден будет часами сидеть в придорожном бурьяне, глотая пыль, ожидая, пока проедут мимо него мощные, горячие, груженные хлебом машины...»

С радостью я прочел оба рассказа О. Гончара. Многую они научат и читающего, да и нас, писателей, работающих в этом трудном, но благодарном жанре.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА № 115 2 декабря 1950 г. 3

ДЕБЮТ МОЛОДОГО ХУДОЖНИКА На днях в Москве открылась выставка художников РСФСР. Произведения живописи, графики, скульптуры показывают серьезный идейный рост художников, их успехи в овладении профессиональным мастерством. Больше половины участников выставки — молодые художники, впервые демонстрирующие свои работы в столице. На снимке: картина молодого художника Ф. Бутина из г. Горького «У сельского ЗАГСа»

Варшава после конгресса

В течение нескольких дней после окончания Второго Всемирного конгресса сторонников мира Варшава не снимала своего праздничного наряда. Восемь тысяч национальных флагов всех стран земли продолжали развеваться на улицах польской столицы, белые голуби — эмблемы мира — все так же украшали жилые дома, заводы, государственные учреждения.

Перед «Домом польского слова», где работала Великая Ассамблея народов, попрежнему ярким пламенем горели 11 флагов мира. Занятие было открыто для осмотра. Уже с раннего утра здесь собралась толпа варшавян.

С несколькими участниками конгресса я отправился в «Дом польского слова»; перед отъездом мы хотим еще раз оглядеть столь близкий сердцу город из нас за исторической встречи друзей мира.

Внутри здания все сохранилось так, как было в дни конгресса. Пестрые разноцветные ковровые дорожки, обшая для бесконечных коридоров и фойе. В зале заседания 600 столов образуют стройные ряды. Мелькают таблички с надписями: «Тунис», «Чили», «США», «Югославия», «Индонезия», «Китай»...

Еще недавно здесь деловито и горячо обсуждали волнующие всех вопросы, шумно и страстно спорили, громкими аплодисментами приветствовали ораторов, здесь звучал записанный на пленку голос Поля Робсона. Сегодня в зале тихо.

Посетитель, среди которых — трудящиеся Варшавы и шахтеры силезско-домбровского угольного бассейна, рабочие машиностроительного завода в Познани и члены Союза польской молодежи в зеленых блузах с яркими кулачковыми галстуками, многочисленные школьники, студенты в черных сутах, — интересуется буквально все. Они хотят знать, где сидел легендарный советский летчик А. Маресьев, где место Пак Ден Ай — представительницы героической Кореи, где расположена комната президиума. С любопытством осматривают десять телефонных кабинок, из которых 136 корреспондентов крупнейших газет мира круглосуточно передавали отчеты о конгрессе.

Как непохожи мои спутники друг на друга! Какая разница в годах, в одежде, в политических взглядах, религиозных убеждениях! Вот дон Гаджеро — католический священник в длинной черной сутане, с лицом аскета. Он говорит страстно и убежденно. В годы мировой войны он был узником фашизма. В первый день конгресса он прочитал пыльную проповедь о мире. «Я сохранил в сердце воспоминание о миллионах замученных, рассеянных по всему свету людей, погибших в последней ужасной войне», — говорил он. — Я ежедневно вспоминаю о сотнях тысяч людей различных национальностей, которые были моими соотечественниками в лагере смерти в Маутхаузене. Я здесь выражаю волю многих миллионов вдов, сирот, больных, безработных, многих сотен честных священников и миллионов итальянских католиков, которые хотят мира. Эти люди ждут действий с нашей стороны».

Дон Гаджеро действительно выражал буквы и чаяния простых людей Италии. Буквально на следующий день после выступления на конгрессе в Варшаве он получил десятки телеграмм от соотечественников.

Одна из них: «Отцу Гаджеро. Всемирный конгресс мира в Варшаве. Мы восхищаемся вами. Мы поддерживаем все, что было сказано вами в вашей речи. Район Магдалена — Принчине. Генуя».

Вторая телеграмма: «Тысячи католиков вместе с вами. Мы гордимся вами. Дюда-ти Франко. Город Мантуя».

Посланы Индия и Гвинея — Дж. Т. Редди и Бангунга Кассори — оба молодые люди, но уже испытавшие тяготы войны. Оба хорошо знают, что такое палаточные лагера, что такое пытки голодом. Редди хромает. Сломанная нога — память о демонстрации, когда он вместе с товарищами попытался протестовать против английского владычества в Индии.

Кассори понимает казачьей головой. «В 1945 году», — говорит он, — французское правительство устроило в Гвинею комедию выборов. Был прислан французский наместник, а нас пытались заставить за него голосовать. Многие отказались. В том числе и я. Тогда власти арестовали всю мою семью. «Беспристрастный и правый суд» заключил меня в тюрьму на два года, старика отца — на полгода, мать — на четыре месяца, а крошку двухлетнего брата — на два месяца! Вы не можете себе представить, — продолжал гвинеец, — как выглядят наши тюрьмы. Это настоящие лагера голода и смерти. Боясь, что ролина снова встретит меня тюрьмой».

Джесси Грей — американский матрос. Он был одним из тех, кто во время выступления Джона Ротге первым бросился в Пак Ден Ай и горячо убеждал ее, что Ротге — это ренегат и провокатор — не выражает мнения присутствующих на конгрессе американцев, не выражает мнения американского народа. «Подписать Стокгольмское Воззвание — это значит для американского матроса быть выброшенным за борт, то есть остаться без работы, — пояснил Джесси. — И все-таки значительная часть американских моряков поставила свои имена под призывом мира. Многие мои товарищи предстали перед судом за попытку сопротивления войне в Корее. Многие подверглись избиениям, лишились работы, но террор Трумэна не ослабит нашей воли! Народ Америки не хочет быть врагом Кореи!»

Пора уходит. Кто-то затгивает самую любимую песню конгресса — «Гимн демократической молодежи». Мелодия марша эхом раздается по необъятному залу. Мы покидаем «Дом польского слова» и, обменявшись крепкими рукопожатиями, расстаемся...

Всюду в Польше сейчас проводится инициатива «сваха мира». Отвечая делом на решения Второго Всемирного конгресса, трудящиеся страны принимают на себя новые обязательства. Со всех концов республики поступают сообщения о массовом досрочном выполнении обязательств. Досрочно выполнили свой годовой план металлургические заводы имени Костюшко и Ченстоховский, фабрика искусственного шелка в Ходакове, завод телефонного оборудования в Варшаве, ряд шахт. В сотнях сел крестьяне ускорили поставки зерна государству.

Над самым высоким домом Варшавы — 18-этажным зданием, принадлежавшим до войны итальянской страховой компании, колыхается большое голубое знамя с белоснежным голубем. Здание разрушено, от него уцелело только каркас. Нужны были большие отвага и упорство, чтобы взобраться на вершину дома и укрепить там флаг размером в 50 квадратных метров.

Голубь мира над разрушенным зданием — символ сегодняшней Польши. С голубой верой в свой завтрашний день польский народ из пепла и руин создает основы новой жизни.

ВАРШАВА, ноябрь

Не так давно — 24 октября — «Литературная газета» напечатала снимок из американского журнала «Ньюсвик» от 9 октября. На этом снимке читатель увидел группу гангстеров в военной форме, окружившую двух корейских женщин-санитарок, издаваемых раздетых или почти донага...

Общественно-стремление американской пропаганды и прессы раздечать самые извращенные инстинкты в массах. Помешая такой снимок, журнал «Ньюсвик» хотел тем самым сказать своим читателям: «Вот какие они молодые солдаты Макартура».

На этом редакцию, видимо, считала свою задачу решенной.

Но вот в номере от 6 ноября журнал «Ньюсвик» неожиданно для себя оказался вынужденным вновь возвратиться к тому же снимку. Его заставили это сделать читатели, начавшие писать в редакцию возмущенные и гневные письма от имени простых людей Америки.

Сколько всего было прислано этих писем — нам неизвестно. Тем не менее нетрудно себе представить, как сильно было негодование читателей, возмущенных зверским поведением американских солдат в Корее, если даже при нынешнем разгуле реакции в США «Ньюсвик» все же почув-

Снимок, иллюстрирующий необходимость опубликовать хотя бы два скромных читательских протеста.

Приводим отрывки из этих писем. «Изображение двух полураздетых корейских санитарок, находящихся в руках четырех солдат», вызывает у меня глубокий стыд за то, как наши войска обращаются к военнопленным, — возмущенно пишет Эдн Мак-

дональд из Миддлборо. — Я являюсь состоящей на учете санитаркой и уверена, что если бы мне пришлось быть на их месте, то я стала бы стрелять, чтобы защитить себя от такого позора.

Почему их заставили раздеться и фотографироваться?..

Во втором письме, отправленном студенткой Джен Уотерсон из Нью-Орлеана, говорится:

«Читая ваш журнал от 9 октября, я обнаруживаю снимок, изображающий обстоятельства взятия в плен двух молодых корейских санитарок, которые, кажется, «лишены» своих одежд настолько, что это оскорбляет их женское достоинство».

Даже если эти женщины и являются нашими врагами и даже если они стреляли из винтовок, что им не полагается делать ни как санитаркам, ни как женщинам, — и в этом случае я считаю, что мы, тыловики, обязаны высказать свои критические замечания в отношении снимка».

Таковы два письма, напечатанные в журнале «Ньюсвик». Они красноречиво свидетельствуют о том, что помещенный в «Ньюсвик» снимок превратился в своеобразный фотобумеранг, поразивший редакцию этого журнала, по заслугам считающегося рупором воюющей американской реакции.

Ремилитаризация Мессершмита

Пока мистер Ачесон, сидя за круглым столом, пытается «примирить» противоречия между США и их англо-французскими партнерами по так называемому германскому вопросу, — в самой боннской восточной Волл-стрит процесс ремилитаризации идет полным ходом. Каждый день приносит все новые и новые доказательства того, что США, как это было подчеркнуто в пражском заявлении министров иностранных дел восьми стран, стремятся «окончательно превратить Западную Германию в оружие своих агрессивных военно-стратегических планов в Европе».

Неудивительно, что именно сейчас американские власти отдали приказ о конфискации бывших казарм гитлеровской армии, где в настоящее время проживает мирное население. Иначе говоря, мирные немцы должны быть вышвырнуты на улицу с тем, чтобы в казармах «сиротским шагом» вошли их прежние «исконные» обитатели! К этому можно присовокупить, что в Западной Германии открываются все новые и новые военно-учебные центры для обучения офицеров и солдат обращению с новейшими видами оружия американского производства.

В такой момент на арену политической жизни, залитую светом «спрожек» военной истории, в полном парадном облачении выползают даже такие нацистские преступники, которых до самого последнего времени американцы предпочитали по разным соображениям держать в тени. Если еще в 1947 году при прямом содействии англо-американцев была тайно вывезена в Аргентину группа видных немецких конструкторов во главе с профессором Куртом Танк, то ныне времена изменились. Соединенным Штатам больше нет надобности использовать Аргентину как «кладовую» для сохранения кадров гитлеровской военной машины. Они готовы использовать эти кадры в самой Германии, у всех на виду и по их прямому назначению. Неопровержимым подтверждением этого является сегодняшняя карьера профессора Вилли Мессершмита.

Профессор Мессершмит, — уж не о военном ли преступнике, небезызвестном нацистском авиаконструкторе и личном друге Гитлера, идет в данном случае речь? Совершенно верно. Именно о нем, чьи машины с ревом и воем носились по небосклону полумира.

В свое время Мессершмит, как нацист и военный преступник, был привлечен к ответственности и даже судим. Но затем из обильных англо-американских власти благополучно перевели его в категорию «спятившего». После этого со всевозможными предосторожностями его подвергли процессу «денацификации». В результате всех этих манипуляций военный преступник и нацист Мессершмит, не жалевший никаких усилий для вооружения гитлеровской военной машины и ситавший, что даже Гитлинг, как руководитель фашистских военно-воздушных сил, не совсем заслуживает доверия, был признан «независимым соучастником против воли» и приговорен к штрафу в 70 тысяч стерлингов. Такова цена, которую назначили Мессершмиту его англо-американские покровители за полное восстановление «политической и деловой репутации»!

Богда захотела речь о Мессершмите, заодно и о его буржуазных покровителях до сих пор предпочитала изменять своей врожденной болтливости и прибегала к так называемой «фигуре умолчания». Лишь изредка появлялись скудные сообщения на сей счет. И в одном из них, демонстрируя нотандом с большим шумом, «говорилась, что господин Мессершмит, перевозивший на пути, занялся изготовлением стандартных деталей для строительства домов. Деятельность Мессершмита по постройке «домостроения» раздувалась весьма усердно».

Однако в нынешней обстановке усердного превращения Западной Германии в американский плацдарм агрессии сооружаемые Мессершмитом «стандартные дома» оказываются в качестве камуфляжа не более прочными, чем обычные картонные домики.

В городе Аугсбурге действительно существует завод, во главе которого стоит Мессершмит. В Мюнхене действительно существует «контора» этого завода. Все дело, однако, в том, что завод в Аугсбурге, по мнению выпускающей отдельные секции стен для стандартных домов из стали и «пенистого» бетона, по сути дела приспособлен для строительства самолетов. «Предупредите его (Мессершмита. — Б. Р.) за десять минут, — пишет лондонский журнал «Иллюстрийтед», — и вместо домов он начнет выпускать легкие самолеты и рамы для самолетов...»

Журнал «Иллюстрийтед», касаясь «сприособления» завода к выпуску стандартных домов, торжествуяше пишет: «Никакого «сприособления» не было. Это попросту военный завод».

Не менее примечательна и «контора» в Мюнхене. В этой «конторе» Мессершмит принимает не только заказчиков, но и друзей; здесь он открывает перед ними душу и изливает орубевающие его мысли и чувства. Здесь он заявил американскому журналисту Джеймсу О'Доннеллу: «Все это — болтовня о мечах и пугах, тогда как дело лишь в том, шей меч направлен против чьего пуга». «Вилли фанатично верен своим убеждениям (иначе говоря, остается попросту нацистом. — Б. Р.). Когда он говорит, просто не веришь своим ушам», — замечает другой журналист отнюдь не прогрессивного образа мыслей. Иначе говоря, Мессершмит на «заводе» по-прежнему остается военным конструктором, а в своей «конторе» — фашистским приверженцем «идей» гитлеризма. И то и другое весьма повышает его акцию на бирже поджигателей войны. «Нам, западным союзникам, — исполняет журнал «Иллюстрийтед», — потребуются германские нация и Вилли Мессершмит. Доверяйте его идеалам». Вся нынешняя американская политика в Западной Германии как раз и построена на полном доверии не только к нацистским «идеалам», но и к ноостелям этих «идеалов», в том числе и к Мессершмиту.

Б. РОЗАНОВ

Нина НИКОЛАЕВА

Бессмертный солдат мира

Когда на Втором Всемирном конгрессе сторонников мира первым среди имен лауреатов Международной премии мира было названо имя Фучика, все участники конгресса встретили его бурной овацией.

...В сердце каждого честного человека есть искра любви к правде, добру, справедливости.

И есть люди, сильные и прекрасные, люди особого склада, которые умеют раздечать эту искру, умеют вдохновить человека на великие дела, на борьбу за правду, за лучшее будущее.

Юлиус Фучик, облик которого вместе со знаменитой книгой «Репортаж с петлей на шее» вошел в жизнь и сердца миллионов наших современников, был одним из таких людей.

членов общества, напрягая все свои силы, увеличивать человеческие возможности — вот поле деятельности для героя».

Так пишет Фучик в 1934 году.

А через несколько лет, когда для всего человечества наступает решительный момент действовать, чтобы спасти мир от фашистского порабощения, Фучик так же, как и миллионы честных людей, безымянных героев, делает все, что только можно сделать «в интересах человеческого общества».

...В 1936 году Фучик возвращается в Чехословакию из СССР, где, по его словам, он провел два самых счастливых года своей жизни.

Он написал две книги о нашей стране. Только за один год он сделал 370 докладов о Советском Союзе. И это несмотря на постоянные преследования властей!

Правда о СССР — оплот мира и справедливости — стала его боевым оружием. «Каждый новый успех Советского Союза в деле укрепления мира — это удар по фашизму, которому нужна война, чтобы иметь хотя бы надежду на жизнь».

Разоблачая подготовку войны, Фучик выступал не только против фашизма, но и против капитализма, породившего эту кровавую чуму.

«Капитализм должен убивать и учить убивать. В крови фашистских терроров и кровей войн — его инстинкт, который он еще поддерживает свое существование. Он требует все больше и больше новых инвекций, как морфинист, который должен увеличивать дозу, чтобы не погибнуть. И отвыкнуть не может. Потому что это не привычка, а смертельная болезнь».

Фучик неустанно борется за мир во всем мире.

На пятый день борьбы испанского народа против фашистских мятежников Фучик пишет в газете «Руде матеж»:

«Борьба в Испании кажется непосредственно также нас. Касается нас потому, что это борьба огромного демократического большинства против фашистов, касается нас также потому, что это борьба за мир, борьба народного фронта мира против фашистского фронта войны».

В другой своей статье «Союзники тех, кто убивает детей» Фучик приводит корреспонденцию из Мадрида о бомбардировке мирного населения и убийстве детей, играющих на стадионе. Он пишет: «Сердца и голоса миллионов людей во всем мире, всех, которые еще колеблются, должны подчиниться одной цели, одной мысли: казнить убийц и не допустить повторения преступления».

Возьмите эти ужасающие документы, возьмите эти снимки убитых и разорванных детей материнских пролетариев и идите с ними от человека к человеку, идите с ними из дома в дом, — чтобы каждому из нас не пришлось потом от дома к дому самим защищать свои города и села от фашистских убийц. Не говорите об этих снимках: «это страшно!», но действуйте, действуйте, действуйте теперь же, чтобы этот ужас не мог больше продолжаться в Испании и не мог повториться в действительности перед нашими глазами».

Так еще в те годы Фучик призывал всех честных людей в каждом городе, каждом селе, каждом доме, сплотившись, активно выступить против войны, не ждать мира, но завоевать его!

Фучик был не только пламенным пропагандистом идеи мира, но и самоверующим и мужественным солдатом мира.

Когда на Чехословакию напали фашистские орд, он встал в ряды активных борцов с оккупантами. С 1940 года Фучик находился в подполье. Даже в фашистском застенке он не прекратил своей борьбы. До самых последних дней своей жизни он не только не потерял присутствия духа, но продолжал жить полной, насыщенной жизнью.

Фучик был душой всего тюремного коллектива и многим помог сохранить человеческое достоинство, не слаться, устоять.

В тюрьме Фучик вел большую политическую работу. Он рассматривал тюрьму, как «окоп, вынутый далеко за передний край, со всех сторон обрешенный противником, обстреливаемый сосредоточенным огнем, однако, ни на миг не помышляющий о сдаче».

Юлиус Фучик обращал свой взор к Советскому Союзу, к великому завоеванию мира и свободы товарищу Сталину и призывал на верность: «Отцы, мы идем за тобой».

В тюрьме Фучик писал последнюю свою книгу, последний свой завет людям, «которые переживут это время», — «Репортаж с петлей на шее».

...Всю землю облетела предпретереть слова Фучика: «Люди, я люблю вас. Будьте бдительными!»

Будьте бдительными! Этот его призыв написан сегодня на знамени всех борцов за мир.

«Репортаж с петлей на шее» Фучика переведен сейчас на 37 языков. Книга вышла в 66 различных изданиях общим тиражом в 2 миллиона экземпляров!

Благодаря слову в этой книге — великая человеческая правда. Именно поэтому перед ней раскрываются души. Читая книгу Фучика, простые люди убеждаются, что таким людям, как он, можно верить, можно идти за ними, ибо они являются подлинными борцами за человеческую правду и мир. Простые люди учатся у Фучика бороться до последнего дыхания и побеждать врагов даже своей смертью.

Умирая, Фучик знал, что борьба еще не окончена. Он знал, что дни фашизма уже сочтены, что сделан большой шаг вперед к торжеству мира и счастья на земле, но для достижения конечной цели нужно будет сделать еще не один шаг, и «обязанность быть человеком не кончилась вместе с теперешней войной».

И эту обязанность он видел в борьбе за мир.

В январе 1942 года он писал: «Мы, коммунисты, любим мир. Поэтому мы сражаемся. Сражаемся со всем, что порождает войну. Сражаемся за такое устройство общества, при котором уже никто не смог бы появиться преступник, который ради выгоды кучки заправил посылает сотни миллионов на смерть, в бесное недействие войны, на уничтожение ценностей, нужных живым людям».

Предвидя опасность новых чудовищных преступлений против человечества со стороны империалистического лагеря, лагеря реакции и войны, Фучик предупреждал: «Разлагающийся капитализм заволаш мир ужасами, и эти ужасы угрожают каждому смертельной бедой».

Сегодня, когда война, раздуваемая американско-английскими империалистами, стала реальной угрозой всему человечеству, эти слова Фучика звучат с новой силой. Провиса врагов мира угрожают к а ж д о м и. Поэтому все больше и больше людей всех стран и наций приходят под знамена мира, знамена борьбы.

«В жизни нет зрители», — писал Фучик. И все честные люди на земле все яснее и яснее понимают, что сегодня в стороне стоять нельзя, нельзя быть нейтральным, когда речь идет о судьбе человечества.

Выключаясь в борьбу за мир, прозревают миллионы. И многим из них помогает в этом правдивое и страстное слово Фучика. Вот выдержки из одного письма вдове писателя:

«Репортаж с петлей на шее», переведенный на английский язык, читали на моей родине, и он произвел на людей неизгладимое впечатление. Меня, например, он так потряс, что я уловила свои усилия в борьбе за мир... Эта книга укрепила мое убеждение в подлости и ничтожности тех, кто сейчас продолжает губительную деятельность людей, убитых Вашего мужа. Если такие люди, как он, столько вытупели, мы все должны принести большие жертвы и продолжать то великое дело, которому он посвятил свою жизнь и за которое умер», — так пишет простая английская женщина.

Год назад женщины Голландии, выступавшие против войны, поклонялись на книге Фучика, что ве прекратят своей борьбы за мир до тех пор, пока не завоеуют его.

Таких примеров можно было бы привести множество.

Миллионы людей доброй воли, борющиеся за мир, кланутся сегодня имен писателя — борца за мир Юлиуса Фучика, отстоявшего мир во что бы то ни стало.

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. НОВИКОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРКОВ (зам. главного редактора), П. ФЕДОСЕЕВ.

Кто сорвал поездку пакистанских писателей в Советский Союз

Год назад, 19 ноября 1949 года, собрание Ассоциации прогрессивных писателей Пакистана в Лакхоре горячо приветствовало делегацию советских писателей, прибывшую в Пакистан по приглашению ассоциации.

Выступавший от имени прогрессивных писателей Пакистана писатель Ахмед Нахим Басми при общем одобрении всего собрания выразил горячее пожелание, чтобы тесные культурные связи и дружественные отношения между народами Советского Союза и Пакистана «росли, шарились и развивались в интересах мира, демократии и свободы».

На организованном Союзом журналистов Пакистана митинге в Карачи присутствовало более трех с половиной тысяч человек. Раздавались возгласы: «Да здравствует дружба между народами Пакистана и Советского Союза».

Бурными аплодисментами встретило собрание заявление советских писателей о том, что эта встреча не последняя.

Естественно, что советские писатели, признавшие за радужную встречу, приглашенные в Советский Союз делегацию прогрессивных писателей Пакистана. Гости предоставлялась возможность в течение полутора месяцев ознакомиться с нашей страной, ее народами, ее культурой. Предполагалось, что за эти полтора месяца гости смогут побывать в трех-четыре республиках, в том числе в двух средне-азиатских.

Этот ориентировочный план, конечно, должен был быть уточнен по приезде делегации, в зависимости от ее пожеланий.

Советские писатели ждали гостей на празднование 33-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Делегация рассчитывала выехать в Москву около 15 октября, но пакистанские власти задержали выданные паспорта. Потом отъезд намечался на 20-е число, но делегаты и на этот раз не получили паспортов.

Пакистанские правящие круги, заявляющие о своем стремлении укреплять дружественные, культурные отношения с соседними странами и народами, сорвали ответную поездку пакистанских писателей в Советский Союз, поездку, которая как раз имела целью укрепление дружбы и взаимопонимания между народами.

Чтобы оправдать как-нибудь перед общественным мнением срыв поездки пакистанских писателей в СССР, в ход была пущена клевета. Так, в газете «Доун» от 2 ноября с. г. появилось сообщение, что лингвист Маудана Абул Хак, один из членов пакистанской делегации, отказался якобы от поездки в СССР потому, что ему было отказано Союзом советских писателей в разрешении взять с собой секретаря и свободно раздечать по средне-азиатским и другим республикам, посетив любые объекты и беседовать с людьми по своему выбору.

Нет нужды говорить, что эти «сообщения» являются ложными от начала до конца. Союз советских писателей только 20 октября стало известно, что Абул Хак хотел бы приехать в СССР со своим секретарем; однако времени для оформления поездки секретаря, учитывая предполагавшийся срок выезда делегации, уже не оставалось.

Что касается возможности посещения Абул Хакимом среднеазиатских республик, то ему было сообщено, что в предварительном плане пребывания пакистанской делегации в СССР Союз советских писателей намечал посещение четырех республик, в число которых входили и средне-азиатские. При этом было сказано, что окончательный план будет выработан при участии пакистанской делегации литераторов, когда она прибывает в СССР.

Такова правда.

На вопрос, почему была сорвана поездка пакистанских писателей в Советский Союз, ответ может быть только один: этой поездки не хотели представители государственного департамента США, имеющие своей «филиал» в Пакистане, а также из соответствующего ведомства в Карачи побоялись не выполнить волю своих американских господ.

Дружба литераторов Пакистана и Советского Союза, дружба пакистанского народа и народов СССР не входит в расчет правящих пакистанских кругов и их ханов с Уолл-стрит. Но народ Пакистана решительно выступает за дружбу с народами СССР. Делегация Союза советских писателей могла уехать в этом по тому телому плену, который был оказан ей прогрессивной общественностью Пакистана.

ПОПРАВКА
Стхотворение С. Вулгуна «Знамя человечества», опубликованное в № 114 «Литературной газеты», ошибочно обозначено как отрывок из поэмы «Мугань» в переводе А. Адамова. Это стихотворение представляет собою отрывок из поэмы С. Вулгуна «Нарство буровых» (переводчики И. Оратовский и А. Пляничкин).

На сотрудница редакции, по вине которой допущена ошибка, наложено взыскание.

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ на 1951 год

«ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ» — орган правления Союза советских писателей СССР
«Литературная газета» выходит 3 раза в неделю.
Подписная плата:
на 12 месяцев — 62 руб. 40 коп.
на 6 месяцев — 31 руб. 20 коп.
на 3 месяца — 15 руб. 60 коп.
Подписка принимается «Союзпечатью», на почте и общественными уполномоченными на предприятиях.